

Пролог

6100

...«В одной знакомой улице я помню старый дом...». Что ещё помню? Помню, как весной провожал её на Курском вокзале, как мы спешили по платформе с её ивовой корзиной и свёртком красного одеяла в ремнях, бежали вдоль длинного поезда, уже готового к отходу, заглядывали в переполненные народом зелёные вагоны... Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них, и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки, как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов... Больше ничего не помню. Ничего больше и не было...»

Что за чёрт? Что это, кто это? Зачем? Да-да, понимаю, это Иван Бунин, что-то из «Тёмных аллей». Мне когда-то нравилось, и я учил рассказ наизусть. А причём тут Бунин? Сейчас. В Непале. На Южной Аннапурне. На высоте шесть тысяч сто метров. Это сон? Но заснуть, полусидя на льду, на крошечной площадке, невозможно. Ноги сначала мёрзли, а теперь ничего не чувствуют. Вроде стало тепло. Вроде дрёма. Говорят, так и замерзают насмерть. А тут Бунин, у которого про горы и высоты что-то не припомню.

Да и вообще у него много странного: почему Иван Алексеич писал это в 1944-м году, вспоминая в разгар большой войны события тридцати-сорокалетней давности? А с другой стороны, что такого? Запомнил и вспоминал. Все вспоминают.

Но ему точно было тепло. А чего ж холодно! Герой рассказа – а, вот, назывался он «В одной знакомой улице» – приходил летом к девушке, к тому же они залезали под одеяло. А потом им и без одеяла становилось жарко. И я в палатке, случалось, спал с девушкой. Просто обнявшись для тепла, ничего такого. В одном спальном мешке. Или в двух состёгнутых спальных мешках: девушка посередине, а мы с приятелем по краям. Но это был туризм, а сейчас совсем не туризм. И палатка есть, но в эту ночь мы её просто повесили на ледобуры, чтобы можно было сесть или прилечь не прямо на лёд, а как-то прикрываясь матерчатым домиком.

Что нужно делать, когда никак не уснуть? Можно считать. Ну и сколько будешь считать? Я досчитал до тысячи, и жутко надоело. Потому что если пережидать ещё часа три-четыре, это до скольких надо считать? А-а-а. Лениво, холодно, неинтересно. Лучше продолжу вспоминать – и снова что-нибудь литературное. Вот Бунин неплохо вписался в бред. Минут тридцать занял.

«А помнишь, мы у «Звёздного» ловили такси, я в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал...»

---

* Слава великой Кали, гурки идут!

Отлично! Это не Бунин, не тонкая литература – это шлягер Вити Третьякова: «Глаза печальные целовал», и всё такое. Что между ними общего? Ничего общего нет. Впрочем, есть – память. Тот вспоминает, и этот вспоминает, потому что память дана не только нобелевским лауреатам. Вокзал часто вспоминают. Наверное, потому, что уезжают часто именно с вокзала, так что ничего странного. У одного Курский вокзал, у другого Рижский… У меня недавно был аэровокзал «Шереметьево–2», в тот год почти все международные рейсы вылетали оттуда.

Луна ослепительно блестит. Лёд блестит. Архип Куинджи. «Лунная ночь». Чудесно! Но у него на картине ночь на Днепре, ночь для восторга, а сейчас не восторг, а подавленность; пусть бы лунной ночи и совсем не было, нестерпимо хочется скорого рассвета.

Опять мысли переключаются на холод. Теперь минус тридцать, а днём станет потеплей. Надо любыми способами пытаться насовсем не замерзать. Ладно, вспомним не художественное, а что-нибудь околонаучное: как умные люди рассуждают о борьбе с холодом. Некие сильно грамотные, может, даже медики, писали-говорили, что надо усиленно шевелить пальцами, и тогда кровь к ним прильёт, обморожения не будет. Но ничего не получается: пытаешься двигать конечностями, но не чувствуешь, что пальцы сколько-нибудь активно себя ведут. Возможно, они шевелятся, но слишком вяло. Не-е-ет, доктора предложили мало связанные с реальностью пути.

Не к месту возник в памяти старый пронзительный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Какие здесь, в Гималаях, фашисты?! Но если сопоставить с темой холода и нашими антиобледенительными упражнениями, то вполне к месту: в фильме есть документальные кадры о том, как немецких солдат тренируют перед вторжением в Россию: типа два прихлопа – три притопа, и согреешься в лютые русские морозы даже в тонкой шинелишке и кожаных сапогах. Хрен-наны они согрелись! Под одним Сталинградом многие десятки тысяч поумирали только от мороза, даром что уклонились от снарядов и пуль. А как же: плохо одеты, не кормлены. И это на равнине. На высоте куда хуже.

Правда, в горах с немцами получилось ровно наоборот: когда дивизия «Эдельвейс» пришла на Кавказ в 42-м, она комплектовалась из опытных и хорошо экипированных егерей. Вполне хорошо одетые солдаты закрепились на перевалах, поставили палатки на ровных площадках, с собой занесли бензин и примуса. А помёрзли как раз наши «ваньки», собранные в горы, в противоборство егерям, из русских деревень. Поскольку хоть и в валенках, и в полушибуках, – а гор раньше не видали, опыт обустройства в таких условиях отсутствовал. Внизу русские солдатики рубили лес и разжигали костры. Но на высоте дров нет. Иные, вот как и я, дремали, бредили, но через силу двигались. А другие засыпали и не просыпались.

Теперь уже и Кавказ иллюзорно кажется не таким крутым, как здешние горы! А что? Вершины Эльбруса, где никто не ночует, – и то «всего» пять шестьсот с хвостиком. Хотя для замерзания этого более чем достаточно. Но тут шесть сто! И ещё не конец восходительного маршрута. Это Непал, детка, это Гималаи.

У нас есть баллоны с газом, есть горелка. Это здорово выручает, если палатку прилично поставить, и тогда она чуть-чуть прогревается внутри. Но в нашей «лежачей» палатке такое плохо получается. Да, старики-альпинисты рассказывали про снежные пещеры. Например, как рыли их, поднимаясь почти целый месяц на семитысячный пик Победы в Средней Азии. Это не сказки: вот вырыли люди пещеру в минус тридцать, как у нас теперь, забрались в неё, через час глядишь – минус пятнадцать. Примуса зажгли, надышали – ещё десяток градусов долой. Красота! Красота? Вы пробовали? Попробуйте просто посидеть в минус пятнадцать. Попробуйте посидеть под ветром или даже без него, подольше, хоть в ноль градусов, и вам всё станет понятно.

Но здесь ни нуля, ни минус пятнадцати: фирн, лёд, сил хватило лишь на то, чтобы вырубить кайлом – так мы называли ледорубы – «сидячие места». Ага, как в общем вагоне…

Да, вспоминать лучше не про холод на войне и в горах, лучше про поезд, вагон, полку с одеялом; лучше – Бунина и Третьякова. Но мозг решительно не хочет зацепиться за писателей и бардов, мозг возвращается к рассуждениям о холоде.

Горелку зажгли: палатку растянули спинами, сели в кучку, а горелку поставили в серединку. Покидали лёд в котелок, попили тёплой водички, развели в ней супчик, погрели чуть-чуть руки. И всё, потому что экономим газ.

А потеплее одеться? В специальную одежду? Мы что, не знали? Мы прекрасно знали! Поэтому

у нас суперботинки, суперперчатки и супермаски на лицах, чтобы ветер сразу не попадал в лёгкие и не застуживал их – а проникал потихоньку, через сеточку, пропитанную каким-нибудь ароматным и полезным эвкалиптом. И внизу действительно верилось, что в этот раз «суперское», особенно импортное, снаряжение поможет. В этот раз! Поскольку раньше оно почему-то не помогало. Руки и ноги от холода не спасёшь. И после среднего и вполне удачного высотного восхождения в минусовую температуру у тебя чернеют, а потом слезают ногти на ногах, а пальцы рук потом и в городской жизни зудят даже при небольшом холоде. Тело да, тело одежда согревает, но руки-ноги – нет.

Что делать, известно, хотя очень не хочется. Почему не хочется? А потому что! Творческое опять вспомнилось – чёрный юморок из песни про танкистов, которым «по танку вдарила болванка». Ощущения абсолютно понятные: «А жить так хочется, ребята, но вылезать уж мочи нет».

Делать махи! Махи ногами! Встать и махать! Сердце колотится, чуть не выскакивает, одышка, а ты махай! Продолжаешь не чувствовать пальцы? Плохо. Ну, присядь, отдохни, и опять махай! И песню напевай, альтернативную танкистской – про строителей, про пионеров: «Нет, мы лёгких путей не искали... Спой песню, как бывало, отрядный запевала!..» Вставай давай.

Кровь вроде приливает. Теперь надо заползти обратно в стоящую буквой «зю» палатку, достать из задубевшего рюкзака спальник и засунуть в него ноги, в ботинках, естественно. Сначала кажется, что выстуженный мешок не помогает, но это не так – помогает, сохраняет некоторую часть тепла.

Философское вспомнил! Мой друг Андрей – телевизионщик, путешественник, экстремал (далее в моих рассказах редкие будут не экстремалами...) ходил на оленях из Якутска к полюсу холода, Оймякону, что стоит на богатой вкуснейшей северной рыбой реке Индигирке. Известно, что здесь зафиксирован абсолютный на жилой Земле минимум температуры – около минус 70. Но и температура «обычной» зимой тоже ничего – ближе к минус 50. Так вот: Андрей с коллегой-оператором Мариной в сопровождении группы эвенов-аборигенов шёл к Оймякону на оленых упряжках, по «свежему воздуху», поход занял десять дней.

Как одевались? В одежду и обувь с мехом, из оленевых шкур, и они не промерзали. Но было другое. Оператора Марину одели так плотно, что однажды по дороге она вывалилась из нарт и не смогла подняться. Барахталась на снегу, пытаясь встать и выделявая при этом немыслимые гимнастические упражнения. Пока заметили, что Марина выпала, проехали с полкилометра. Вернулись, конечно, подняли её на ноги и посадили в нарты. Зато тепло!

Проблемы с холодом у них появились вовсе не на маршруте. Андрей рассказывал, что экспедиция везла на нартах и сложенную в брикет большую палатку, и каркас для неё, и дровяную печку, и даже сами дрова. И когда остановились, проводник-эвен затопил в палатке печку, и наступил «ташкент». Сытые и согретые, московские телевизионщики в одном термобелье удовлетворённо залезли в спальники.

Но потом Андрей проснулся от холода: печка давно потухла, а истопник безмятежно спал прямо на снежном полу. Пытаясь согреться, Андрей и Марина натянули на себя всё что можно и – прямо как я сейчас – стучал зубами, дожидались рассвета. И на вторую ночь так, и на третью. Заново разжечь печку, конечно, можно, но это долго и зябко, да и дров ограниченное количество. Вот тогда Андрей и дозрел до философского вывода: здесь надо не искать тепла, а привыкать к холоду... И книжку потом так назвал – «Тепло якутского холода». В книжке он не написал о том, что из тридцати экспедиционных оленей почти половина пали в дороге...

Я не понимаю, как можно привыкнуть к холоду. Но эвены-то привыкли. А с проводниками путешествовали двое маленьких детей-дошкольников. И ничего, «дрожжи не продавали», играли; спали безмятежно, похрапывая и посвистывая.

И опять дрёма, и опять накатило:

– И полуутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал –
Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд
В Непал, в Непал, в Непал...

Ну, Олег Митяев вспомнился, это ближе к сегодняшнему дню, чем Бунин. Смешно, но мы с ним в холоде сталкивались, когда вместе ходили на Эльбрус. Но это не сравнить ни с Якутией, ни с тем, что сейчас. Да, начинаешь восхождение ночью, в минус. Да, тоже мерзнут ноги и руки, но переждать

надо всего несколько часов. Потом, когда подходишь к перемычке между вершинами Эльбруса – тут примерно пять тысяч метров, восходит солнце, и ты не просто согреваешься, а становится жарко и начинаешь постепенно раздеваться.

Вот ведь интересно: Олег тоже вспоминает вокзал. Но и Непал вспоминает. Был, что ли, здесь? Наверное, был. В другой песне про непальскую речку поёт: «Плыли мы с тобой по Марсианде». Ну, она Маржанди, или Марьянди вообще-то называется, ну, он так произносит. С планетой Марс, что ли, решил ассоциировать? Но речка живописная, и сплав по ней на рафтах классный. Поплавать бы на этих рафтах сейчас; бухнуться, пройдя пороги, в неспешную приятную воду, раскинуть руки и покачиваться – спасжилет не даст утонуть...

Что дальше-то будет? Ребята вон тоже мучаются: ни сон, ни бодрствование, не поймёшь что. Но парни упёртые: один – заслуженный мастер спорта по альпинизму, второй – международного класса, третий – просто мастер. Смешно, да: «просто мастер». Потому что вам не понять. И не представить, что «просто мастера» и не такое переживали, как говорится. А я не упёртый. Не блаженный. Не герой. Не мастер. Я обычный человек. Хотя попал в такой переплёт не случайно, конечно, и не в первый раз. И наплывает сквозь холод смешной анекдот: «Ну, хуже, чем в этот раз, быть не может», – думает пессимист. «Может-может, в следующий раз будет хуже!» – говорит оптимист. У нас этот «оптимистический» следующий раз наступил.

Скоротать надо время до рассвета и своё чего-нибудь вспомнить. Как у Бунина – то, что, как говорится, предшествовало. И что было после. А разве можно вспомнить то, что было после, а пока не случилось? На первый взгляд, нельзя. Но если «Алису в Зазеркалье» почитать, станет понятно, что можно...

Алиса спрашивает у Белой Королевы:

– … Но ведь завтра когда-нибудь будет сегодня?

– Нет, никогда! Завтра никогда не бывает сегодня! Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну, вот, сейчас, наконец, завтра»?

– Ничего не понимаю, – протянула Алиса. – Всё это так запутано!

– Просто ты не привыкла жить в обратную сторону, – добродушно объяснила Королева. – Поначалу у всех немного кружится голова...

– В обратную сторону! – повторила Алиса в изумлении. – Никогда такого не слыхала!

– Одно хорошо, – продолжала Королева. – Помнишь при этом и прошлое, и будущее!

– У меня память не такая, – сказала Алиса. – Я не могу вспомнить то, что ещё не случилось.

– Значит, у тебя память неважная, – заявила Королева...

У меня память «важная». Она хочет верить, что «завтра не будет сегодня», что завтра будет гораздо лучше. А пока снег и лёд. Под луной они оживают: в снегу отчётливо видны мерцающие кристаллы, а лёд – пока темно, хоть и под луной, отливает зловещим серо-чёрным цветом. А впрочем, красиво. Смертельно красиво. Виден гребень, и там возле гребня начинает светлеть. Может быть, рассвет этим утром наступит раньше? Неадекватно ситуации улыбаюсь, глядя на пятерых ребят, которые устроились бугорками в покатой палатке. Изредка они пошевеливаются, а из капюшонов выступает такой обнадеживающий парок. Значит, живы.

Я рисую винтажные картинки прошлого. И будущего.

ГЛАВА I

Морис

Можно ли попасть во Францию? Смешной вопрос! А почему же нельзя? Деньжат накопил, шенгенскую визу получил – и езжай. Ну да: отпечатки пальцев попросят сделать, может, даже собеседование во французском посольстве придётся пройти, но всё это мелочи жизни. В принципе без серьёзных сложностей. С маленькой оговоркой: «без особых проблем» – это если речь идёт про сегодня.

А если говорить про тридцать–сорок лет назад? Ну, батенька, тогда получится совсем другой разговор. Как изрекает одна моя подружка: «Париж? Сейчас каждый может. Но не тогда».

Да-а-а… «Увидеть Париж – и умереть». Мне жаль тех, кто умер до того, как познакомился с Па-

рижем. Но одновременно мне жаль и других, тех, чья юбилейная дата заканчивается в текущие годы на «дцать» или даже «ок», а ещё не на «сят». Почему? Потому, что и десять раз побывав во Франции или приравненной к ней стране, они не смогут испытать тех удивительных, острых, порой непредсказуемых ощущений, через которые в свои «дцать» прошли мы в 70-е. Не только в самой Франции. Но и на пути к ней.

Трудности – это тоже острые ощущения. Легко – значит, обыкновенно, а обыкновенного у каждого и своего полно. Иное дело преодолённые трудности, разрешённые проблемы – это эксклюзив, счастье, это кайф. Поэтому начнём с трудностей и проблем.

Кто же тебя, советского человека, пустит во Францию? Ну, если, конечно, имеются особые заслуги, то другой разговор. О каких заслугах идёт речь? Ну, скажем, ты участвовал во французском сопротивлении во время Второй Мировой, а теперь тебя приглашают боевые друзья. Что, не участвовал? Как жаль! Ах, да, мы послевоенные... Ладно! Можно заслуженного папу или дедушку сопровождать: помогаем, мол, ветеранам и заодно приобщаемся к международному братству! Но мало пап и дедушек с военной французской дружбой...

Другой вариант. Ты активный член коммунистической партии или комсомолец, и за эту активность съездил уже пару раз в страны социалистического лагеря. Теперь можно рассмотреть вопрос и про Францию.

Третий вариант, когда ты передовой рабочий или колхозник. Тут вообще без проблем: мурыжить не станут, да еще родной завод поездку оплатит.

Не исключаются и другие варианты, но уж больно они экзотические. Вдруг ты, скажем, космонавт, а?! Неправдоподобно? Погодите иронизировать, к вариантам с космонавтами мы ещё вернёмся.

Я проходил по смешанному варианту – почти как в фильме «Кавказская пленница»: студент, комсомолец, спортсмен. А ещё командир ударного стройотряда. И с выездным «стажем»: в целой Болгарии побывал. То есть вопрос «одобрят-с» теоретически должен быть решён. Он решился и практически: после собеседований на работе, затем в райкоме номер два (комсомольском) и, наконец, номер один (партийном).

Дошло и до инструктажа. В связи с этим событием как не обратиться к Владимиру Семёнычу Высоцкому? Он как раз в те годы чудесно рассекал по Франции и был, что называется, глубоко в курсе дела. Так что если песни про войну, очень талантливые, Высоцкий придумывал по чужим рассказам, то в «Инструкции перед поездкой за рубеж» излагал самую что ни на есть настоящую автобиографию образца 70-х – свою, мою, а также других участников нашей французской группы:

– Я вчера закончил ковку, и два плана залудил
И в загранкомандировку от завода угодил.
Копоть, сажу смыл под душем, съел холодного язы
И инструкцию прослушал, что там можно, что нельзя.

Там у них пока что лучше бытово.
Так, чтобы я не отчебучил не того,
Он мне дал прочесть брошюру, как наказ,
Чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас...

Будут с водкою дебаты, отвечай:
Нет, ребята-демократы, только чай.
От подарков их сурово отвернись,
Мол, у самих добра такого завались...

Буржуазная зараза там всюду ходит по пятам.
Опасайся пуще слезы ты внебрачных связей там.
Там шпионки с крепким телом, ты их в дверь – они в окно.
Говори, что с этим делом мы покончили давно...

А потом всё накрылось медным тазом. Не у Высоцкого, а у меня. Наши советские регбисты из спортивного клуба «Фили»... Стоп! Какое отношение я имел к регбистам? Какая связь с моей по-

ездкой? Верно: никакого отношения и никакой связи. Но... регбисты где-то у кого-то кое-что судьбоносное выиграли. И лучшую часть команды в виде поощрения решили послать во Францию. А десяток тех, кто был согласован предварительно, вычеркнули. С извинениями, конечно. Временно, разумеется. В следующий раз поедете непременно, вы – в первых номерах. Ну, в целом, думаю, понятно.

В аналогичной ситуации и примерно в то же время оказался молодой, но уже замеченный и обласканный писатель, который фигурирует теперь под псевдонимом Жора Полуяков. И Жору, как и меня со товарищи, вычеркнули. Но потом... вернули на место! Каким образом? Да совершенно чудесным: заболел входивший в группу молодой герой-космонавт. Вот почему я выше вспомнил про космонавтов.

Догадываетесь, что дальше случилось со мной? Правильно догадываетесь. Заболел! Правда, не я. И не космонавт. Заболел регбист. Чтобы закрыть вакантную клеточку, меня вернули в списки. Потом всё происходило по типовому сценарию, который прекрасно описал впоследствии тот же Жора, так что просто воспроизвожу:

– ... Мы обмывали мою будущую поездку в Париж. Захорошев, друзья начали давать мне советы, суть которых сводилась к тому, что самое главное в групповом туризме – сразу разобраться, кто из органов, а кто собирается «состочить», – и держаться подальше от обоих.

– А как узнать? – недоумевал я.

– Ничего сложного: увидишь – догадаешься...

Сколько раз я ездил в командировки, но никогда супруга моя не собирала меня в путь-дорогу. В этот раз всё было по-другому. Жена трижды ездила за консультацией к своей двоюродной сестре, вышедшей замуж за сантехника-международника. Я не шучу: в наших посольствах работают только свои, вплоть до дворника и посудомойки. Кроме того, супруга посвятила несколько часов обзваниванию тех наших знакомых, которые так или иначе имели дело с заграницей.

Обобщив все советы и рекомендации, она тщательно укомплектовала мой чемодан с таким расчётом, чтобы любую свою нужду или потребность вдали от родины я мог удовлетворить, не потратив ни сантима из тех трёхсот франков, каковые нам обещали выдать по прилёте в Париж. На случай продовольственных трудностей в чемодан были заложены несколько банок консервов, два батона сухой копчёной колбасы, три пачки галет, упаковка куриных бульонных кубиков, растворимый кофе, чай, сахар, кипятильник, две бутылки – водка «Сибирская» и коньяк «Белый аист». Отдельно, в специальном свертке, таилась железная банка чёрной икры – на продажу. Имелся и небольшой тульский расписной электросамовар – для целенаправленного подарка...

Интересно описывал Полуяков и процедуру заполнения на вылете из СССР таможенных деклараций:

– Как вы думаете, – уловив мой взгляд, спросил товарищ по группе, – золотые зубы вписывать?

– Не надо. Вы же не в Бухенвальд едете! У моего друга платиновый клапан в сердце – он и то никогда не вписывает!..

Шутки-шутками, а одного регбиста на таможне тормознули: в таинственном мешочке, прикреплённом к шее под рубашкой, он вёз запрещённое – кучку монет разного достоинства, выпущенных к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Дилемма возникла, конечно. Поэтому что регбист в крик: я советские ценности хотел пропагандировать! А ему: зачем же их прятать? И почему в декларацию не внесли? Неувязочка получилась, одним словом...

Как ходил в Нотр Дам, Лувр; как стоял в очереди на Эйфелеву башню, как гулял по Монмартру – это каждый расскажет. Очереди, конечно, не понравились. Вроде бы мы привыкли к ним в родном Советском Союзе, но нам по секрету сообщали, что во Франции очередей нет. Оказалось, очень даже есть. Не понравилась и прогулка на кораблике по Сене. Вообще-то не сама прогулка, а вот что. Усадили всех на кораблике в кресла плотными рядами: ни тебе по палубе прогуляться, ни в буфет какой сходить и освежиться красненьким для более взвешенного восприятия капиталистической французской действительности.

Впрочем, врат не буду: тезис «У самих добра такого завались» не срабатывал. Самые простые вещи вызывали внутренний и внешний вскрик: «Ну, надо же!». Скажем, каждому раздали наушники, из которых лилась русская речь с рассказом о том, что мы видели на берегу. Мы о таких наушниках слыхом не слыхали. Да и в целом происходящее казалось сказкой. В наше время сказка стала

былью, а во фразе «Какой русский не бывал в Париже» дистанция между шуткой и реальностью существенно сократилась. Поэтому опустим парижские восторги образца 70-х и перейдём к пока неочевидным, но главным для нашего повествования аспектам, для чего переместимся из Парижа во французский городок Шамони.

Не для альпинистов и горнолыжников, а для всех прочих людей скажу, что это Альпы. Отсюда ходят на высшую точку «их» Европы – гору Монблан высотой в четыре тысячи восемьсот метров. Об этом я к моменту первого посещения Франции слышал, но не более того. А тут представилась возможность если не взойти, то хотя бы посмотреть на культовую вершину. Слова «Гималаи», «Непал» я тоже слышал, но реже, а побывать даже и не мечтал.

И тут случилось нечто. Гид сказал, что у нас будет встреча с мэром Шамони, которого зовут Морис. Рэгбисты поинтересовались, занимается ли он, как они сами, лучшим в мире видом мужского спорта. Узнав, что Морис изъявлял себя в альпинизме, интерес к встрече потеряли. Но увидев открытый мэром стол, – бутерброды с невиданной нами красивой ветчиной, сказочным assorti из десятка сыров, румяными круассанами (от одного такого названия в 70-х у советских начиналась не «собственная гордость», а слюновыделение) – живо и позитивно отреагировали.

На столе стояло даже пиво! Никогда мы не пробовали такого пива! Да что говорить: и бутылок таких не видывали, и этикеток. Я сразу посчитал – на нос приходилось бутылки по две. Успех встречи был предрешён.

Мэр Морис говорил о российско-французской дружбе, обуважении к государству рабочих и крестьян – СССР, о взаимодействии наших культур. Тем не менее мы напряглись, вспоминая контпропагандистский инструктаж в Союзе и готовясь, если что, жёстко отстаивать нашу безоговорочную победу в 1812-м. И, при необходимости смягчая страсти, напомнить о «Нормандии-Неман» в следующей Отечественной войне. То есть да, была война французов с русскими, и нечего к нам соваться, поскольку «кто к нам с мечом...», и так далее. Но впоследствии воевали против общего врага вместе, потом (и сейчас!) мир-дружба. Однако Мориса, видно, не сильно занимали войны, он перешёл на совсем другую тему и рассказал сначала про видневшиеся из окон Альпы с Монбланом, а потом про Гималаи. Как был в Гималаях – в Непале и покорил там что-то совсем невероятное. И что книжку об этом написал, и что вот-вот выйдет её русский перевод.

Обаятельный, симпатичный мэр выглядел по-французски молодо, хотя ему стукнуло под шестьдесят. Но... у Мориса почему-то недоставало пальцев на руках: кисти были, а пальцев почти нет – так, одни примыкающие к кистям фаланги. Что это? Может, воевал? Не спрашивать же...

Рэгбисты, допив пиво, к беседе вновь охладели. А я, напротив, возбудился. И в конце протокольной встречи спросил:

– А можно с Вами побеседовать про Гималаи и Непал?

Морис удивился и, по-моему, обрадовался такому вопросу.

– Да, – доброжелательно сказал он, – я сегодня работаю до 19 часов. Приходите в девятнадцать.

Тут я понял, кто в группе чекист. Если руководитель советского выездного коллектива только недовольно, но вполне открыто поморщился на мою просьбу, то представитель органов скжал губы, сверкнул взглядом и сразу же принял прежнюю улыбчивую мину.

Запрещать мне встречу чекист, ясное дело, постеснялся, ведь в стране победившего социализма права человека и прочие демократические нормы подняты на необычайную высоту. Так что вечером я спокойно направился в мэрию, что располагалась близко к отелю. Версия о чекисте, который раньше косил под рэгбиста, подтвердилась: он увязался за мной, мотивируя это тем, что очень, ну, о-о-очень интересуется Гималаями, Непалом, буддизмом-индуизмом и вообще всем, что с этим (с чем «этим»? – подумал я) связано.

Наблюдать за представителем компетентных органов оказалось интересно. С Морисом мы беседовали на английском – благо я закончил английскую спецшколу. Мэр иногда вставлял и французские фразы. А чекист сказал, что языков, к сожалению, не знает, захватил с собой переводчика и внимательно его слушал, Морису же одинаково улыбался на любое высказывание. В ходе встречи чекист «писал в блокнотик впечатлениям вдогонку». Я скосил глаз на блокнот и увидел, что записи велись на английском. И на французском. Школа!

Морис начал издалека. Оговорюсь, что дальше я его рассказ буду излагать так, как слышал *тогда*. Зачем нужна такая оговорка? Затем, что, во-первых, многое изменилось в Непале и рукотворной

части Гималайского региона за столько лет. Во-вторых, впечатлениями Морис делился не как учёный, не как исследователь истории, этносов, религий, архитектуры, а как альпинист, главным для которого было восхождение. Остальное – так, беглые эмоции очевидца.

Я и слушал как начинающий альпинист и абсолютный профан во всех остальных перечисленных направлениях знаний. В дальнейшем, конечно, в моём интеллектуальном багаже, равно как в окружающей действительности, произошли неслабые изменения, но о них я расскажу позже, своим чередом.

В Непал команда Мориса попала через Индию, прилетев туда самолётом из Парижа. Страна Непал оказалась невеличкой даже по французским меркам. Для нас же, которые привыкли измерять величину территории и называть её большой или маленькой в зависимости от того, сколько Франций на ней уместится, и вовсе песчинкой по сравнению с СССР. Ну, чего там: шестьсот километров в длину, двести – в ширину. Впрочем, «песчинка» довольно твердая. По французским дорогам 600 километров можно проехать на «паркетном» автомобиле часов максимум за пять, по российским – смотря где, конечно, и смотря какие дороги – но в большинстве случаев в сутки можно уложиться. В Непале шесть сотен километров подряд проехать в принципе нельзя ни на чём. А сколько времени их нужно преодолевать? Ну, скажем так, долго. Или всегда...

Зачем Морис сотоварищи подались в Непал? Затем, чтобы взойти на гору высотой более восьми тысяч метров. Всего таких гор в мире четырнадцать, причём восемь из них расположены в этом самом Непале. К 1950-му году, когда планировалось восхождение Мориса, 22 экспедиций различных стран пытались победить восьмитысячники. И ни разу не победили, а горы людей ой-ой-ой как потрепали, иные в них и остались.

Район, куда вышла группа Мориса, был ими, конечно, спланирован заранее, но вот конкретная вершина – лишь приблизительно. Может, Дхаулагири, может, Аннапурна. В общем, пятого апреля вошли в Непал. Как погодка? О ней любой альпинист будет рассказывать вам обязательно, долго, подробно и со знанием дела. Не стал исключением и Морис.

Непальская погодка в апреле тёплая. Внизу. А вверху холодная. Начиная с пяти-шести тысяч метров лежит вечный снег и без солнца почти всегда минусовая температура, а зимой то же самое и на высотах пониже. Поэтому зимой на восхождения из-за холода почти не ходят. Но и лето считается неблагополучным сезоном: тепло, но идут муссонные дожди. Проблема здесь не в водяных потоках, а в видимости, которая в горах летом становится почти нулевой, в воздухе висит влажное и жаркое марево.

На восьми тысячах метров ночью температура и летом опускается до минус сорока и ниже. Но, как и в случае с муссонами, где вода – не основная проблема, на больших высотах таковой является не столько холод, сколько кислородное голодание, гипоксия. То, что начинается около – на – выше восьми тысяч, называется «зоной смерти». С точки зрения медицины, средний человек сумеет прожить здесь три дня... Ураганный ветер, снег, мороз могут добить его значительно раньше.

Морис с командой теоретически знали всё это, но на себе пока не испытали. Да, за плечами имелся солидный опыт сложных альпийских восхождений. Но что Альпы? Они по высоте до пяти тысяч не дотягивают, отсюда ни о какой высотной акклиматизации и речи нет.

Почему для подхода к горе выбрали апрель? Потому что май – лучший месяц непосредственно для штурма серьёзных вершин. И ещё ранняя осень. Апрель же, или, скажем, сентябрь, предназначены для подходов.

Первым делом они наняли шерпов. В бытовом понимании шерп – носильщик. Но это не совсем верно: шерп, а точнее шерпа – национальность, коих в Непале десятки. Но именно эта сосредоточена в высокогорье, именно из неё формируется основная категория высотных (!) носильщиков (портеров), а также проводников (сирдаров), которые во многих случаях становятся и восходителями.

Сколько носильщиков нужно на среднюю группу восходителей – ну, скажем, человек в десять? Это зависит от задач. У Мориса с командой задачи ставились по-наполеоновски грандиозные, а исходная информация приближалась к нулю. И они наняли двести носильщиков. Весь экспедиционный груз разбили на примерно равные доли по одной маунд – около 36 килограммов на каждого портера. То есть в целом получилось более шести тонн. Что было в этих тоннах? А вы представьте себе, что взяли бы с собой в двухмесячное горное путешествие. Представили? Вот всё это в шести тоннах и наличествовало. Нести груз предстояло 250 километров по горным тропам. А потом вверх

и вверх без измерений километража в длину – на высотных восхождениях в метрах-километрах считается высота, а не протяжённость маршрута.

36 кг – это много или мало? Если вы попробуете пронести рюкзак такой тяжести – хороший рюкзак, с каркасом, лямками и регулирующими ремешками – скажем, пару километров по ровному месту, то поймёте, что это *очень тяжело*. Шерп сложит ваши рюкзаки или другой груз в один свой бесформенный мешок или корзину, или свяжет их вместе и понесёт с одним крепежом в виде налобного ремня.

Но 36 кило или чуть меньше, чуть больше – вес для так называемого экспедиционного, практически элитного носильщика. А есть носильщики грузовые, которые тащат до ста килограммов. Брюки, шкафы, кровати, консервы, живность, фрукты; да хоть кирпичи, хоть самого восходителя, что впоследствии и случилось...

Как экипировалась французская экспедиция? *Как положено*: тёплая и удобная одежда и обувь, консервированные продукты, снаряжение, медикаменты. Хотите узнать точнее – загляните в любой источник, описывающий специфику альпинистских экспедиций.

Интереснее рассказать об экипировке шерпов. Они снаряжались с точки зрения европейцев... как-нибудь. Пересекая непальские селения, Морис заметил, что люди ходят босиком. Лишь имущие жители носят обувь, что считается признаком состоятельности и даже шиком. Ботинки с незавязанной шнурковкой воспринимались как особый шик. Все шерпы на *обычном* маршруте также шли босиком. То есть босыми передвигались по *обычным* камням, *обычному* снегу и *обычному* льду. А необычность – это когда начинались высотные прохождения с холода и техническими сложностями.

Сначала Морис подарил пару башмаков главному сирдару, и это сразу повысило престиж проводника среди портеров. Потом, чтобы ускорить движение, предусмотрительно запасённые ботинки дали и другим носильщикам. Но они берегли их и несли, перекинув через плечо, пока маршрут не усложнился. Некоторые носильщики иногда шагали в носках, шлепанцах...

Прошу Мориса поделиться впечатлениями о непальцах, которых они встречали, проходя через горные селения. Я тогда мало интересовался техникой восхождений, меня занимал Непал как таевой, люди и традиции страны – на это я и ориентировал прежнего восходителя и нынешнего мэра.

– Ладно, – говорит Морис, – расскажу о людях. Они сильно религиозны. Не очень разбираюсь в их многобожии, но знаю, что основные религии в Непале – индуизм и буддизм. Впрочем, в чём разница между ними, тоже не очень понимаю. Однажды мы попали на очень важный для индуистов религиозный праздник Кумбх-Мела – праздник кувшина, который отмечается каждые двенадцать лет. Садху (святой человек), окружённый толпой, читает священные тексты. Подозреваю, что простые крестьяне мало понимают в этих текстах. И более того. Там везде стоят флаги, буквально испещрённые такими текстами – мантрами. Я спросил: не крестьянина, не носильщика, а более грамотного непальца-сирдара, что означают эти надписи. Тот стеснительно улыбнулся и сказал, что не знает.

Праздник подразумевает обязательное омовение, поэтому, прослушав молитвы, многие верующие направлялись к реке Кали-Гандаки, которую называли священной. Некоторое время спустя, встретив вторую и третью подряд священную реку, я задумался, а есть ли в Непале *несвященные* реки, и вновь спросил об этом сирдара. Тот помолчал, а потом засмеялся.

Около реки мужчины и женщины раздевались – не догола, конечно; затем входили в воду и погружали в неё листья лотоса, которыми ударяли себя по лбу.

Тут и там установлены ряды металлических цилиндров с мантрами. Мы называли их мельницами. Шерпы обязательно вертели эти мельницы-барабаны, приобщаясь таким образом к не очень понятным нам таинствам.

Реальное таинство мы увидели, когда пришли в местечко Мухтинатх – святая святых не только для местных, а вообще для всех посвящённых. Здесь много паломников из других регионов и даже стран, во всяком случае, из Индии. Мы видим храм-пагоду, окружённый целебными источниками. Паломники купаются в них, звонят в колокола, жгут благовония, крутят молитвенные барабаны. Ручейки от источников стекают в горизонтальный канал, а он в свою очередь питает 108 тонких труб, украшенных головами драконов. Из этих труб можно набирать воду, пить её, омываться.

Нам говорят, что прямо тут и прямо на воде горит вечный огонь Мы сомневаемся, но охраниющие храм девушки приподнимают камень и показывают отверстия, откуда и впрямь мерцает голубой огонёк. Уверяют, что его зажёг сам Будда, и теперь огонь горит всегда. Если прислушаться, там слышно журчание подземной реки. Поэтому Мухтинатх считается святым, мол, это – единственное место на земле, где присутствуют одновременно пять стихий – Земля, Вода, Огонь, Воздух и Эфир...

Я спросил у Мориса, как он относится к такому волшебству.

– Ну, не знаю. Может быть, природный газ...

В 70-е я не сильно разбирался в религиозных таинствах, но слышал, что в Библии написано про Благодатный огонь, сходящий на Гроб Господень в канун Пасхи. В Великую субботу посмотреть на него в Иерусалиме может каждый желающий – достаточно прийти на площадь перед храмом Воскресения. Откуда берётся этот огонь? Сходит, и всё! Внятных научных объяснений по поводу этого явления я не встречал.

– Морис, а вы слышали про Благодатный огонь в Иерусалиме?

– Да, слышал.

После этого он произнёс какую-то фразу, которую ни я, не переводчик прямо истолковать не смогли. В итоге переложили на русский язык примерно так: «Я не по этому делу». Человек из компетентных органов скептически улыбнулся. Видимо, он был «по этому делу» и понимал больше.

Беседа продолжалась.

– А как непальцы вообще живут?

– Не скажу за весь Непал. В больших городах – Катманду, Покхаре есть, конечно, сравнительно богатые дома. Они похожи на крепости и окружены стенами-заборами. В горных селениях таких домов мало или нет совсем. В большинстве случаев жилища представляют собой низкие лачуги, передняя часть которых просто-напросто открыта для всеобщего обозрения. Там чаще всего расположены кустарные мастерские. Обрабатывают шерсть яков и овец, прядут её, выделяют ткани; нанизывают какие-то бусы. Причем занимаются этим, главным образом, мужчины.

Взрослые непальцы скромно, приветливо и почтительно нам улыбаются. Субу (глава поселения) выходит обычно навстречу и не выражает ни малейшего удивления, хотя, возможно, видит белых людей впервые. Сведущие коллеги объясняют, что Будда учил сохранять невозмутимый вид при самых необычных обстоятельствах.

Более раскованно ведут себя ребятишки. Они ещё не научились быть сдержанными и выбегают откуда ни возьмись, тщательно рассматривая нас. В принципе и большие, и маленькие не могут понять, что мы пришли с другой стороны огромного горного хребта – видимо, они вообще не подозревают о существовании другой стороны. Впрочем, о людях, не похожих на непальцев, местные жители слышали. Это неудивительно: часть мужчин составляют гурки – непальцы, которые служили в британской армии, главным образом в её индийской части.

Показывают на нас пальцами и спрашивают:

– Американцы?

– Нет, французы.

– А-а-а... Кто такие французы?

– Ну, есть американцы, есть англичане, но мы французы.

Все утвердительно кивают головами:

– Теперь понятно: вы – американцы!

Я сдаюсь: пусть будут американцы.

Что они едят? Рис в первую очередь. Изготавливают также цампу – муку из зёрен ячменя. Из муки варят кашу с добавлением молока или масла яка, тибетского чая или простой воды. Из цампы в казане или на разогретом листе железа пекут хлебные лепёшки – чапати. По улицам бегают куры. При нас шерпы вместе с жителями ходили на охоту и убили трёх животных, которых называли тхарами. На нашем языке это сероу – большая коза...

Девушки колотят палками по белью, разложенному на камнях. Это стирка. Что касается глажения, то оно здесь, видимо, без надобности. Женщины, даже маленькие девочки, носят украшения: в ушах, ноздрях, на лбу, на шее, на запястьях. Они смеются, когда видят, как мы чистим зубы и бреемся.

При попытке сфотографировать девочек они поднимают визг. Но мы выходим из положения: достаем из сумки и даём понюхать флакон с одеколоном, а потом брызгаем парфюмом на одну из

девочек. Ее восхищение граничит с экстазом. Духи в этих краях пользуются особой популярностью, как и любые благовония.

Непальцы хитры своей простодушной хитростью. Так, часть груза мы везём на лошадях. Лошади устали, у некоторых появились потёртости, и мы просим у субы лошадей заменить. Он соглашается, и вскоре приводит новых лошадей. Но они ещё хуже наших! Мы бракуем их и просим тоже поменять – в конце концов всё это не бесплатно. Суба опять соглашается, и буквально через несколько минут с торжествующей улыбкой приводит другую смену «хороших» лошадей. Но это те же лошади! Спорить бесполезно. Это Восток!

Но снова прошу понять: мы не совершили этнографическую экспедицию – мы намеревались покорить восьмитысячную вершину. Отсюда я плохой рассказчик про историю, религию и этносы. Давайте я продолжу про альпинизм.

После ряда разведок мы отбросили вариант с Дхаулагири и остановились на Аннапурне. У нас была карта с обозначением перевала Тиличо, откуда вроде бы можно увидеть Аннапурну. Но про перевал никто не слышал, про вершину – тоже. Единственная дорога, известная местным жителям – тропа паломников в Мухтинатх… Перевал мы нашли. Мы увидели озеро Тиличо.

В Непале несколько больших и красивых озёр. Например, озеро Фева, на котором стоит довольно большой город Покхара, – тёплое, уютное, в нём много рыбы. Можно наблюдать, как она плещется, а можно заказать эту прекрасную пресноводную рыбу на обед или ужин. Но Тиличо – иное пространство: это озеро расположено на высоте около пяти тысяч метров, и никакой рыбы, и вообще ничего, кроме скал, снега, льда здесь нет. Но озеро чрезвычайно красиво; в зависимости от освещения, времени суток оно меняет свои цвета: то серое, то зелёное, то голубое.

Поднявшись на перевал, мы увидели семитысячники Гангапурна и Чонгор. Вскоре показалась гора в виде огромной широкой белой глыбы. Это точно восьмитысячная Аннапурна…

Морис подобрался и задумался.

– Вы знаете, дальше начинается совсем другая история. Мне больше нечего добавить про культуру, обычаи, особенности страны, которые вас вроде бы интересуют – разве что мы вернёмся к этому потом, если мне удастся рассказать, а вам дослушать всю историю до конца. Вот вы смотрите на мои руки и видите, что на них почти нет пальцев. Если я сниму ботинки, вы поймете, что пальцев нет и на ногах. Вы думаете, я родился без пальцев? Нет, я родился с пальцами. Дальше надо было бы поведать о том, как я их потерял. Нужно ли вам это?

ГЛАВА II

Два Володи

Я любил походы и турслеты. Сначала по лесам Московской области. Потом по Кавказу. По Тянь-Шаню. По Алтаю. Палатки, спальники, жестяные банки с тушёнкой, «живая» картошка, буханки хлеба, примуса, бензин. Рюкзак конструкции знаменитого в прошлом горовосходителя Виталия Абалакова. Туристская романтика.

Вот с рюкзаком всё и началось. На походной тропе мы случайно пересеклись с отрядом альпинистов. Рюкзаки у них были принципиально другие: с множеством регулирующих лямок, в форме правильного овала, без всяких болтающихся снаружи предметов. Вместо облезлых тёмно-зелёных штормовок на «бойцах» привлекательно смотрелись лёгкие, ярких цветов куртки-анораки. В руках почему-то они держали лыжные палки, хотя на дворе стояло лето. Сели вместе передохнуть.

Один из альпинистов – назовём его Володя-старший – сказал:

– Вот ты, вижу, здоровый парень, а занимаешься всякой мутатой. Что это за рюкзак у тебя времён русско-турецкой войны? Стыдобень! А одежда? А снаряга?

– Ну, как, – отвечаю, – рюкзак заслуженный, «абалаковский», и штормовка – непременный атрибут туристской жизни. Про альпинистов братьев Абалаковых слышали, наверно?

– Сынок! С Абалаковым общался вот как сейчас с тобой. Не только слышал, но и ходил. А ты: «слышал ли»… Рюкзак он изобрёл, да, но произошло это очень давно. И песню «Люди идут по свету» знаю и люблю. Но рюкзаки старинные, о двух лямках, не выношу. И штормовки тоже. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть?! Ты думай, что несёшь:

Абалакова в туристы записал! Знаешь, что слово «турист» у серьёзных людей означает почти ругательство? Вот видишь человека на тропе: рюкзак прямо как... подушка, если поласковее выражаться; котелок закоптелый по жопе стучит. Это турист! Порнография! Не зря вас называют зёлёными чудовищами.

— И что ж теперь?

— Если сделаешь правильные выводы по жизни, то всё сложится нормально. Езжай-ка ты в альплагерь, начнёшь реальную спортивную карьеру...

Вот так я и прибыл к серьёзным людям. Володя-то старший, как выяснилось, был мастером спорта международного класса по альпинизму и одним из лидеров спартаковской альпинистской команды. И вскоре после несложных с бюрократической точки зрения процедур и, напротив, не-простых спортивных зачётов я оказался рядом с ним на Западном Кавказе, в альплагере Узункол. Лагерь культовый, прославленный в песнях и стихах. «Альпинизм – школа мужества», – написано на лагерном плакате. «Туризм – школа замужества», – добавляли от себя шутники.

«Рядом с серьёзными людьми» – это сказано, надо признаться, слишком громко. Как может турист-второразрядник встать рядом с альпинистом – международным мастером? Никак! Наблюдать за мастерами, – мы, храбрясь, иронично называли их «великими», но они и вправду были великими, – считалось уже за счастье. Если же удавалось рядом посидеть, да послушать песни-разговоры, так это вообще рассказываешь потом годами. А послушать было что, поскольку рядом с Володей-старшим обычно находился его друг Юра.

В альпинизме Юра ушёл от меня недалеко: он заработал второй разряд и выше не поднялся. Однако рядом с мастерами Юра присутствовал постоянно и вполне законно. Как так получилось? Ну, если бы вы снялись в фильме «Семнадцать мгновений весны» в запомнившейся всей стране роли, да написали сотню песен, то и вам бы железно досталось место в ближнем кругу великих.

Тут, конечно, встаёт другой вопрос: великие «ходили», то есть делали сложные скальные и ледовые восхождения, непосильные для второразрядника Юры. Так что ж! Иные симпатичные особы женского пола становились даже мастерами спорта рядом с великими, карабкаясь вторым-третьим-четвёртым номером по провещенной ими, с трудностями и риском, верёвке и (или) разделяя, так сказать, ложе на предвершинном бивуаке.

Юра ничего такого не разделял: это с ним великие разделяли песни и обаяние. Юра и сам ходил на простые маршруты, а на сложные сопровождал великих до штурмового лагеря. И встречал после победы над вершиной, писал новые песни, и пел старые, и пировали они как следует все вместе. А уж когда спускались в лагерь, песни и звон посуды гремели порой всю ночь. Как же после этого идти на следующую вершину? Да без проблем: после восхождения полагается день отдыха, и очередной штурм происходит уже на свежую печень и голову.

«Наблюдать», сидя поблизости, за великим альпинистом Володей-старшим и великим артистом-бардом Юром, пусть не чокаясь и не братаясь, считалось почетным. Во-первых, потому что сам я, как большинство моих товарищей по альплагерю, пока не дотягивал до великих, к тому же были они лет на двадцать постарше. Но вот по части бухла...

Пить и курить в лагере категорически запрещалось. Неположенные поступки преследовались и карались отчислением из отряда. Так не светись! К тому же запрет на курение носил скорее символический характер: нас окружали деревья и кустарники, высокая трава, ручьи, скалы, так что было куда сливять буквально за пять минут и позатягиваться всласть. Что же касается выпивки, то дело обстояло несколько сложнее. Расстояние от «Узункола», стоявшего на высоте два двести, до ближайшего селения Хурзук с магазинами, где продавалось спиртное, составляло ни много ни мало восемнадцать километров, да ещё с перепадом высот метров в восемьсот. То есть вниз-то сбежать для спортивной молодёжи не являлось проблемой, а вот переться обратно... Но, представьте себе, пёрлись! И вниз действительно бежали бегом: а что, молодому альпинистскому «коню» восемнадцать вёрст нипочем! Затаримся в ауле каким-нибудь местным дешёвым портвейном, дёрнем по стакану и не торопясь шагаем обратно. Часа за четыре с половиной в оба конца укладывались – чем не тренировка выносливости?!

А потом и вообще произошло чудо: в лагере появился начинающий деревенский доктор Валера. Он тоже пришёл снизу, из Хурзука, с рюкзаком за плечами и с крайне неудобной для переноски большой хозяйственной сумкой в руках. В ней, переложенные одеждой, содержались семь

бутилк чистого медицинского спирта. Великие от угощения не отказались, а мы и приблизились к ним, во всяком случае на время распития, и были избавлены от необходимости совершать регулярные почти марафонские забеги: разведем ввечеру спиртюган с каким-нибудь соком, послушаем или потравим в своем кругу истории про подвиги великих, заодно привирая про подвиги свои, – и спать.

Своим чередом шла жизнь в лагере: у нас тренировки, лёгкие восхождения; у великих – выходы покруче.

Однажды когорта великих пополнилась Володей-младшим. По возрасту он был всего на пару лет старше меня, а вот по опыту оторвался очень далеко. Мало того, что мастер спорта, он и уважение среди великих имел весьма приличное. Впрочем, альпинистская «молодость» долгая: покоряя серьёзные вершины в двадцать пять, многие делают то же самое и в сорок, и в пятьдесят-шестьдесят: такой вот специфичный спорт, любящий, конечно, ловких и быстрых, но ещё больше волевых и опытных.

Если Володя-старший был высок, строен, с чернявым зачёсом на лбу, – про таких говорят «казак» и «красавец», – то Володя-младший выглядел совсем по-другому: приземистый, рыжеватый, кучерявый, с примесью каких-то поволжских народностей во внешности. Володя-старший смешлив, говорлив, задорен; Володя-младший серьёзен, немногословен и слишком спокоен. В общем, почти как у Александра Сергеича: «Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень». Но вот по части спортивной «старый конь» и «молодой олень» не уступали друг другу. Кто «великие», а кто «новички»; кто «инструкторы», а кто «участники», но жили мы в лагере одной жизнью, скорее совместной, чем обособленной. И всё происходящее в этой жизни воспринимали с интересом и близко к сердцу.

Пришло время, и мы ближе познакомились и разговорились с Володей-младшим. В лагере чаще всего мы чаёвничали, а на выходах – так и всегда. Наберём в ручье воду, закипятим на прикусе в кастрюле или котелке, нальём в трехлитровую банку, насыплем туда растущего буквально под ногами чабреца, добавим чёрного чая и балагурим. Чай пили с сахаром, а ещё лучше, когда кто-то доставал банку варенья или сгущёнки: работающий организм требовал калорий и с удовольствием принимал и сладкое, и жирное, и мучное, а диеты не приветствовал.

Где чай – там и разговор. О чём? О восхождениях, разумеется; в целом правдиво, но с разными оттенками. Рядом с Володей-старшим обязательно сидела какая-нибудь молодая участница отряда, которую он в свободное от работы на маршруте время не гнушался опекать, и рассказ Володи приобретал обязательный характер подвига. Володя-младший женским полом интересовался мало, и подвигами особо не хвастался, а стремился разбирать всякие проблемные ситуации в горах.

Про него самого я узнал, что Володя-младший окончил физтех, где, как и многие, услышал про институтскую альпсекцию, в ней и начал путь восходителя. Быстро получил значок «Альпинист СССР» – это по тем временам соответствовало вступлению в пионеры в обычной жизни. Кто получает значок «Альпинист СССР»? Кто приезжает в альплагерь, тот и получает. «Рискуя жизнью» в процессе отработки приёмов горной страховки между... сосновыми деревьями. Многие в лагерь больше не попадают никогда в жизни, но про «риски» и «суровые» восхождения рассказывают.

Володя приехал снова и снова. Вскоре стал третьеразрядником, что, если уж рассуждать в выбранной советской логике, приравнивалось к рядовому комсомольцу. В силу чрезвычайной талантливости, которая выражалась в первую очередь в виртуозном лазании по скалам, а во вторую – в выносливости, всего через четыре года после третьего разряда заработал звания «Мастера спорта СССР» и чемпиона Союза, что в переводе на идеологический язык следовало квалифицировать как активный и статусный деятель коммунистической партии. Было в это время «деятелю» двадцать пять лет, работал он – а тогда нельзя было не работать – в ракетной организации «Энергия»; чем там занимался, я не очень понимал, но, видимо, приносил инженерную пользу.

Склонностей к лирическому философствованию вокруг альпинизма у Володи-младшего не наблюдалось. На проникновенные вопросы вроде «Как ты себя нашёл в горах?» или «Какой смысл ты вкладываешь в альпинизм?» он отвечал примерно так: «Мне это нравится, это моё, это мне нужно». А про смыслы и того проще: «Нет здесь никакого смысла!».

Августовским днём великие собирались на очередное, столь же великое, восхождение. Речь шла о стенном маршруте на вершину Трапеция. Не углубляясь особо в горовосходительную специфику, немножко всё же поясню. На бытовом уровне принято считать, что альпинизм – это когда высоко. И самые распространённые вопросы, которые задаются несведущей персоной любому альпинисту – это «Был ли ты на Эвересте?» или, в крайнем случае, «Восходил ли на Эльбрус?». Но дело в том, что Эльбрус с двумя куполами в пять тысяч шестьсот с лишним метров, даже будучи самой высокой вершиной на Кавказе и в Европе, к числу высотных, а также трудных вершин не относится. Однако стоящие рядом с ним пяти-, четырёх и даже трёхтысячные вершины вполне могут считаться трудными, но вовсе не из-за высоты. Скальной стены протяжённостью в несколько сот метров и углом наклона в пятьдесят и более градусов вполне хватит для того, чтобы восходителю с гордостью сказать: «Я ходил – на Кавказе или в Гималаях – такую-то стену», а понимающим слушателям отреагировать: «Ух ты!». Это так называемый технический альпинизм, основанный на умении преодолевать, не срываясь, сложные скальные рельефы, используя любые естественные выступы, а где их нет – крючья и закладки.

Неискушённый читатель может спросить и про лёд. Отвечу, что на льду тоже нелегко, но по-уютнее, чем на скалах, и вот почему: ледовые крючья – ледобуры, которые вворачиваются в лёд как шуруп в дерево, держат значительно надёжнее и более прогнозируемо, чем скальные. Кроме того, на льду используются «кошки» для ног и «айс-фиши» – своеобразные «серпы» с рукоятками – для рук, что обеспечивает дополнительную надёжность.

То и другое применяется и выше пяти тысяч метров, и даже на Эвересте, но там к техническим трудностям приплюсовываются высотные. Восхождение на семи- и восьмитысячники считается высотным альпинизмом и предполагает обязательную акклиматизацию и работу на рельфе в условиях недостатка кислорода. Отсюда эти вершины повышенной, а порой и запредельной трудности.

Относительно вопроса про восхождение на Эверест. Такой вопрос, когда задаётся дилетантом даже среднему по уровню подготовки альпинисту, нужно признать и вовсе дурацким, поскольку в «зоне смерти» организм при любой акклиматизации способен продержаться лишь считанные дни, а потом затухает и умирает.

Но вернёмся к кавказскому альплагерю Узункол, августу и вершине Трапеция. По высоте она не дотягивает и до четырёх тысяч метров, а взойти на вершину можно по гребню – это квалифицируется как несложный маршрут. Но группа, о которой я рассказываю, пошла в лоб, на стену, на те самые несколько сот метров суперсложного рельефа. У многих альпинистов «горел глаз» на эту стену. Её редко делали раньше только по одной причине: стена «била» камнями, да так, что камнепады «простреливали» весь маршрут и уходили на прилегающий ледник.

Вышли к Трапеции в пятницу. Юра сопровождал пятёрку до штурмового лагеря, который разбили на ледниковой морене, и как-то особенно беспокоился, приговаривая: «Вы, мужики, с ума сошли!». Потом вернулся в Узункол, а группа восходителей весь следующий день наблюдала ситуацию на стене, ещё день обрабатывала её, забивая крючья и провешивая верёвки, на третий же день пошла на штурм. Начали затемно, когда текущие на горе ручьи замёрзли, а камни, соответственно, вмерзают в них. С восходом солнца началось постепенное таяние, мелкие камешки сперва тихо покатились, потом стали набирать скорость и застучали поактивнее; затем появились булыжники покрупнее, от которых приходилось уворачиваться; и, наконец, полетели огромные «чемоданы» – их движение, падение, расколы напоминали разрывы мин или снарядов.

Самый сильный «обстрел» разгорелся к середине дня, но группа, счастливо не побитая и даже не задетая камнями, прошла опасную стену и поднялась на гребень Трапеции. Здесь началась непогода, наступала грозовая облачность, всё затянуло туманом, и видимость исчезла. В таких условиях даже самые сильные альпинисты не ходят, а пережидают погодные катаклизмы. Так и сделали: поставили палатку – тесную для пяти человек, но брали-то её на всякий случай, и вот такой случай настал. Вскипятили на примусе чай и прилегли, залезли в спальные мешки, не раздеваясь, чтобы, как только развиднеется и откроется ледник, сразу спускаться вниз. Вышли по радио на вечернюю связь и сказали, что всё в порядке, что стену прошли, но не спускаемся пока, а пережидаем непогоду. Приняли поздравления с победой, мало-момалу погрузились в сон...

Володя старший проснулся от странного и крайне дискомфортного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из спального мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-жёлтый шар величиной с теннисный мяч, который вдруг зажил своей жизнью. Шар подлетел и исчез в спальном мешке Олега, одного из восходителей. Раздался дикий крик, после которого Олег затих, а «мяч» выскочил из мешка и начал «ходить» по остальному.

Когда шар прожёг и мешок Володи-старшего, альпинист почувствовал адскую боль, словно его пытали сварочным аппаратом, и потерял сознание. Потом сознание то возвращалось, то уходило, и ни он, ни другие ребята не понимали, что и сколько времени происходит. Очевидным было лишь то, что шаровая молния – стало понятно, что это именно она, соблюдая только ей известную очерёдность, проникала в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянную, нечеловеческую боль и вопль как реакцию на неё. Этот ужас повторился несколько раз.

Потом шар исчез. Люди не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, тела превратились в очаги огня. Но оказалось, что участника группы Виктора молния зацепила всего раз, в пятку, и он мог двигаться. Виктор вышел по рации, – странно, но она осталась невредимой, – на связь с лагерем, обрисовал ситуацию и запросил спасательный отряд. Появилась надежда, и ребята, в полуобморочном состоянии, поочерёдно приходя в сознание и уходя из него, стали ждать.

Как потом выяснилось, Володя-старший получил восемь контактов с шаровой молнией, Володя-младший и Саша – последний из участников восхождения, которого я ещё не упомянул, по шесть. При этом у Саши здорово обожгло ниже пояса. И вот ведь мужики! Забыв про всё остальное, Саша вслух переживал именно за «мужскую силу». «Юмористические» воспоминания пришли гораздо позже. А тогда… У Володи-младшего обгорели пространства выше левого глаза и на пятой точке. Олег получил три касания молнией, а касание в солнечное сплетение стало роковым: Олег умер. Лишь один Виктор отделался единственным не сильным ожогом, он стоял на ногах и помогал раненым.

Ожоги были… как и описать-то: куски мышц, вырванные до костей, зрелище не для слабонервных. Когда подтянулся спасотряд, доктор бегло осмотрел раны и предложил обработать их спиртом. Все трое тяжёлых были в отключке, но как только ватка дотронулась до Володи-старшего, он очнулся и заорал: «Давай нам по сто грамм спирта внутрь, а потом сделай обезболивающие уколы». Так и поступили. Володя-младший не реагировал ни на какие прикосновения; челюсть, чтобы влить спирт, ему пришлось открывать буквально ножом.

Спасатели принесли акьи – это такие сборные алюминиевые носилки для переноски раненых и погибших по горам. На ледовом рельфе их можно везти по льду, на скальном – спускать на верёвках, прикрепляя карабинами за специальные дырки. В эти же дырки те, кто несли раненого, цепляли репшнуры, а их уже – себе на плечо. При наличии достаточного числа людей одна смена на одной акье составляла шесть человек; когда людей не хватало – четыре. Меньшее число в принципе не представлялось возможным. Это я к тому, что иногда в фильмах мы видим, как некий герой берёт пострадавшего в горах человека на руки и несёт его. Ну да, как невесту. Понесёшь, как же!

Юра пришёл со спасателями. Когда Володя-старший приоткрыл глаза, Юра спросил: «Как дела, капитан?!». – «Нормально», – ответил тот и опять потерял сознание.

Много трагического в альпинизме. И много мистического. И всё связано между собой. Абсолютно точно известно, что в ночь с шаровой молнией Юра «телепатил», а если выражаться точнее, то сидел в узункольском домике, пил чай и сочинял песню. На вопрос, какую песню сочиняют и поют в таких случаях, он однажды ответил в другой песне:

«… А что ты там шепчешь?
Я песню твержу…
Ту самую песню?
Какую ж ещё…
Ту самую песню, про слёзы со щёк…»

«Ту самую песню», написанную тем самым августом, знают все прошедшие Узункол:

— Свечка темно горит,
Дождь за окном стучит,
Лето — сплошной обман,
В соснах висит туман.
Непогода в горах, непогода,
В эту смену с погодой прокол,
Будто плачет о ком-то природа
В нашем лагере Узункол.
Нам-то что? Мы в тепле и в уюте
И весь вечер гоняем чай,
Лишь бы те, кто сейчас на маршруте,
Завтра в лагерь спуститься б смогли...

Это были те самые горы. Та самая непогода. Тот самый Узункол. А вот пожелание они не выполнили, спуститься — так вышло — не смогли. Сами не смогли. По гребню, по леднику, по скалам, по травянистым склонам их несли в лагерь. Мы, здоровые, толкались возле домика-медпункта, то и дело задавая глупый вопрос: «Ну, как?»

Когда происходили перевязки, из домика неслись крики, преимущественно матюки. Когда перевязки заканчивались, нас пускали к раненым: хотя бы для того, чтобы их немножко отвлечь от постоянных болей. И вскоре я уже общался с Володями, старшим и младшим. Они очень переживали, но вот о чём переживали, вы вряд ли догадаетесь. Воспроизведу кратко их реакции на происходящее; причём не столько на случившееся, сколько на спортивную перспективу.

Володя-старший:

— Ожоги? Ну да, ожоги! Из-за них, блин, я на первенство Союза пролетаю! Заживут ожоги! Я всё равно ходить буду! Но первенство Союза точно накрылось голубой панамой!

Володя младший:

— Жалко, конечно. Сейчас набирают команду в Непал, на Эверест. На первое в истории советское восхождение. Я имел все шансы войти в команду. А теперь вот точно не войду: пока я тут валяюсь, утверждают списки, и пиши пропало...

Он не фантазировал насчет Эвереста. Годом раньше Володя был заявлен в основной состав на первенство СССР по альпинизму, а это значит, что его высоко оценили и как мастера, и как руководителя для любого альпинистского восхождения.

Несколько дней мужики пролежали в лагере: ждали вертолёта, чтобы избежать путевых страданий при езде по горным дорогам. Но погода лететь не позволяла, и решили всё же везти раненых грузовиком в Пятигорск. Несколько дней они провели в городской больнице, а потом полетели в Москву. На этом «молниеносная» эпопея далеко не закончилась; скорее, она только началась. Каких только обожжённых людей не возвращали к жизни и более-менее нормальной внешности в ожоговом центре, но таких, как наших, здесь раньше точно не встречали.

Перевязки, пересадки кожи, уколы, стоны, отвратный запах; всё болит, не повернуться. Самая трудная процедура — туалет, каждый раз мучительный. Раз пришёл журналист раскрутить Володю старшего на интервью, а он спит в полуобморочном состоянии. Врач говорит журналисту: «Какое интервью! Он, может, уже не жилец...». А Володя очнулся и отвечает: «... вам не жилец! Через год вы меня совсем в другой форме увидите, на восхождениях!»

Не особо в это верилось, и сомневаться было в чём. Сначала ждали отторжения у Володей мёртвой кожи. Затем Володе-старшему запланировали восемь операций: со здоровых участков тела брали кожу и приживляли на обожжённые места. Да не просто «брали»: слой живой кожи требовалось снимать без нарушения волосяного покрова. И тут возникла совсем иная проблема. У Володи-старшего кожа смуглая, волос прямой, и операции проходили удачно, если в этой ситуации вообще можно так выразиться. Володя-младший — рыжий, курчавый, ему запланировали шесть операций, а сделали двенадцать! Почему? Потому что сложнее идут пересадки у рыжих и курчавых: приживляют кожу, а она не хочет...

Кололи наркотики, иначе бы они не выжили; каждый укол выдавался под роспись врача в специальной ведомости. Володя старший опять за своё: «Чего добро переводите, налейте лучше копьячку». Заведующая отделением в конце концов махнула рукой: «Да делайте что хотите!». И мы,

друзья-посетители, понесли коньчик, который и старший, и младший Володя с удовольствием принимали.

Даже в такой ситуации ребята постоянно думали о спортивном будущем и упирались ради него не по-детски. Раз просит доктор одного из Володей поднять руку, чтобы проверить, как приросла кожа. Тот поднимает градусов на двадцать пять, а доктор говорит: «Ленишься, молодой человек». Володя положил это в голову, а через три дня, на следующем осмотре сделал рукой прямой угол. И полетела вся пересадка, порвалась ткань, пришлось делать операцию заново. Остатки кожи от прежних операций хранились в холодильнике, достали их, приживили.

Разработку рук-ног, плечевого пояса ребята продолжали. В ванной, с криком, без свидетелей, пересиливая и ломая себя ежедневно.

Когда-никогда, а настал срок выписки. Собралась медкомиссия и решила всем пострадавшим дать вторую, нерабочую группу инвалидности. Оба Володи категорически отказались.

«Огромное спасибо! – сказал Володя-старший на выходе из больнички. – Мы вас не подведём. Мы вам, блин, покажем инвалидность!».

Благодарил врачей и Володя-младший. И тихо бормотал себе под нос: «Эх, блин. Непал пролетел; Гималаи пролетели, Эверест накрылся, блин...».

Через год оба Володи участвовали в первенстве Союза на Памире.

В следующей, другой, здоровой жизни мы вместе не раз ходили в баню. Любители парной бросали на раздевшихся Володей недоумевающие взгляды, и, не справившись с любопытством, кто-то спрашивал:

– Чем это вас, мужики? Пулей, бомбой, снарядом?

– Да так, трамвай неудачно останавливали...

ГЛАВА III

Тенцзин

Курица – не птица, Монголия – не заграница, – так говорили в Советском Союзе те, кто стремился куда-то выезжать. Говорили, но и в Монголию поехать были не прочь. Правда, не для того чтобы посмотреть достопримечательности, как в случае с Францией, а с намерением поработать. А что? Платили в два-три раза больше чем на аналогичных должностях в Союзе, но блага этим не исчерпывались. Со шмотками, техникой в Монголии считалось слабовато, зато честно заработанные тугрики-рубли легко переводились в валютные чеки. Нынешнему молодому или даже средних лет россиянину нужно долго объяснять, что это такое.

Да я и не стану. Просто скажу, что в Москве существовали специальные магазины «Берёзка», где торговля производилась за валюту. Или за те самые чеки – разных цветов и с разными буквенными обозначениями, что подразумевало разные «веса», то есть покупательную способность. И товары в «Берёзках» – магазинах с затенёнными стеклами – бывали получше, чем в Монголии, не говоря уже о массовых магазинах родной страны.

Родитель мой, Министерства обороны полковник, ездил в Монголию в командировку. После чего я получил дубоватую кожаную куртку – оттуда, и шикарные финские туфли на высоком каблуке, которые тогда и у мужчин считались модными, – из московской «Берёзки».

Ну, ладно, будем считать это лирическим отступлением. Потому что история наша движется совсем в другом направлении. Географически, конечно, она устремлена в том направлении – в сторону Азии. А логически – нет, поскольку с барабахом почти не связана.

В конце семидесятых в Монголию поехал мой друг Коля. В Москве он работал учителем русского языка и литературы, потом заместителем директора школы, а в Монголии сразу стал директором. Познакомился со страной, обустроился и, само собой, оброс нужными связями. Через некоторое время вполне созрел, чтобы пригласить меня в гости. С этой поездкой вообще не предвиделось проблем. Во-первых, приглашение от обитателя страны – не просто приятные слова, а важная иуважаемая инстанциями бумага. Во-вторых, как я уже говорил, курица, то есть Монголия – не Бог весть какая заграница. В-третьих, важным довеском, своеобразным выездным портфолио выступала имевшаяся уже у меня за плечами Франция. Таким образом, собрался я, –

не по французскому варианту, а попроще и побыстрее, – и полетел в Батор (так на разговорном языке называли столицу страны Улан-Батор), даже и без собеседований-инструкций, и без чекистов на хвосте.

Оно понятно: оттуда не слиняешь. Где, если что, политического убежища просить? В коммунистическом Китае? Уже смешно. В пустыне Гоби у кочевников-скотоводов? Еще смешнее.

Поселили меня в гостинице, недалеко от советской школы, построенной из кирпича почти в центре города рядом со зданием монгольского государственного цирка. В ней учились в основном дети из зарубежных посольств и представительств – учителя называли их «дипломатами» – и отпрыски монгольских высокопоставленных граждан.

С «языковым барьером» в Баторе я почти не сталкивался: окружали меня как раз «дипломаты» – учителя, а также живущие рядом геологи, инженеры и рабочие разных специальностей из городов СССР, ну и военные. «Приближённые» к ним монголы хорошо изъяснялись по-русски. Впрочем, весь столичный Батор опоясывали юрты, и тамошние обитатели вряд ли владели нашим родным языком, но в юрту мне пришлось заглянуть всего один раз.

С хозяевами национального монгольского жилища общались через переводчика. Интерьер юрты составляли печка-камелёк посередине, лежанки по бокам вдоль стен, ковёр и подушки на полу. Эта довольно опрятная юрта служила, как я понял, чем-то вроде экскурсионного объекта. Угощали нас жирным – молочным и мясным, предложили противной молочной самогонки. Огонь в камельке тоже «кормили» – кусочками хлеба, даже самогоночки плеснули – это происходило в рамках какого-то окторелигиозного обряда.

Я было потянулся к своей сумке, чтобы достать привезённую из Москвы бутылку водки, но сопровождающий зашипел: «Ты что, убери, они быстро с катушек слетают, могут чего-нибудь натворить, а нам потом отвечай».

Напротив гостиницы располагался «русский двор спецов», где проживали семьи советских командированных. Сходили мы и туда. Застали вполне оптимистичное и даже весёлое зрелище: один папа стругал из дерева для дворовых ребятишек ходули, другой ваял деревянные автоматы. На единственном велосипеде гонял по очереди весь двор, а чья-то мама варила на всех картошку с тушёнкой. Из открытых окон хрипел Высоцкий, заливались очень популярные тогда «АВВА» и «Bony M».

Монгольские дворы были застроены беднее, качели и другие сооружения для детей оказывались в основном поломанными. Мне объяснили, что местные пацаны очень быстро ломали всё, что для них делалось. Философски настроенный Колин коллега по школе, учитель истории Александр объяснял это так: агрессия монгольских детей – стихийная, конечно, произрастает оттого, что свободные, степные монгольские земли, по которым они скакали на лошадях, залили в Баторе асфальтом, изуродовали металлом. Удобства подарили, да, но «дарители» не сильно разбирались в том, хотят ли такого, по нашим представлениям, комфорта местные, глубоко почитающие природу.

Шёл июнь, то и дело с неба падали обильные ливни, по городу разливались огромные лужи, в которых сразу же оживали всякие букашки-тараракашки. Советские дети, несмотря на «дипломатический» статус, снимали надетые на них заботливыми мамашами резиновые сапоги и с восторгом бегали босиком по тёплой воде. Монгольская детвора строила из досок плоты и плавала по улицам. Их мамы жарили в жиру борщики – что-то типа пончиков и угощали и своих отпрысков, и наших.

По территории русского поселения протекал невзрачный ручеёк, названный монголами рекой Сэлбэ. Но после дождей ручеёк затоплял весь центр. В это время женщины перемещались по Батору босиком и задрав юбки, в одной руке держа сумку; в другой – босоножки на высокой платформе.

Машин в городе замечалось мало, монголы обычно перевозили мебель и тяжёлые вещи на лошадиных повозках. Для русских ходил бесплатный автобус с советским шофером: если мы передвигались на нём по делам, то дети порой после школы садились на задние сиденья и катались на автобусе до вечера «просто так». Пользоваться этим автобусом монголам запрещалось. Да и многое другое тоже: существовали проблемы с покупкой билетов на концерты артистов, изредка присыпаемых «старшим братом» – СССР, или с заходом в советские магазины, где продавались более качественные продукты, или с получением талонов на страшнейший дефицит тех времен – румынские женские сапоги. Монголы конца семидесятых, во всяком случае, в Баторе, выглядели посторонними в своей же стране.

Что касается моей монгольской жизни, то в ней присутствовало, конечно, знакомство с историей, осмотр древностей, но в гораздо более мягкой форме по сравнению с Францией, где тебя постоянно строили и наставляли. А за пределами в общем-то добровольной экскурсионной программы проходили душевные пьянки с педагогическим коллективом Колиной школы, в свободное от учительской работы время, и братание с советскими же военными. Всё как обычно на любой территории, где работал СССРовский контингент, а к нему в гости приезжали люди с «большой земли».

Но вновь – как и во Франции – обычное причудливо перетекло в необычное, и вот как это случилось.

Я периодически думал о религии, да и не мог не думать. В деревенском доме, где родилась моя мать и где жила бабушка, висели иконы. Переехав в Москву, бабушка продолжала ходить в церковь. Будучи правоверным пионером, а потом комсомольцем, я в церковь, разумеется, не ходил, а если и заглядывал, то исключительно «для прикола». Но немножко знал, наблюдая действия родни, о православных праздниках, молитвах и обрядах, Иисусе Христе и некоторых святых. Знание о других религиях исчерпывалось тем, что я слышал о иудеях и мусульманах. Кто это и во что верят – толком не понимал.

Но в московском университете, куда я поступил после школы и армии, нам преподавали «Научный атеизм». Как известно, в задачу предмета входило разоблачение «мракобесия» и объяснение, почём «опиум народа». На деле же, да при умных и заинтересованных преподавателях предмет превращался в «Религиоведение». Раньше любили повторять: чтобы побеждать врага, нужно знать его оружие. Правильно! Значит, чтобы разоблачать «мракобесие» и «опиум», нужно сначала понимать, из каких компонентов они состоят. Моё вхождение в предмет началось с христианства и вылилось в своеобразное и в общем-то не совсем небесное, а вполне земное представление об этой религии. И тоже благодаря гуманитарной науке, поскольку параллельно с научным атеизмом мы проходили курсы древнегреческой и древнеримской истории и литературы.

В собственных ответах о происхождении христианства я в целом удовлетворял и университетских профессоров, и даже одного церковного батюшку. Они мягко критиковали меня за некоторую вольность трактовки, но в плохих знаниях (в случае с профессурой) и в ереси (в случае с батюшкой) не обвиняли и говорили, что такой взгляд, ну... возможен. А собственно взгляд заключался в следующем.

Древние греки – язычники, но очень цивилизованные: и в плане развития всяких культур, и в смысле человеческого общежития. У них многобожие. Боги сидят на горе Олимп и ведут себя совсем как люди: радуются, сердятся, женятся, мастерят разные предметы и даже выпивают. В общем, живут полной жизнью, а если их хорошо попросить, то помогают. И сами греки тоже жили полной жизнью и активно обогащали цивилизацию. Один Гомер с «Илиадой» и «Одиссеей» чего стоит!

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный...

И так далее.

Римляне вроде тоже цивилизованные, но, как бы это понятнее и не очень длинно выразить, – без тормозов. Рабство, жестокие казни, насилие, содомия; бои гладиаторов и развлечения по-круче – такие, что мороз по коже. И тоже, как у греков, язычество, и тоже многобожие, да те ли это боги (и боги ли вообще), если подобное терпят? И вот появляется человек по имени Иисус, который выдал – прямо по названию одного из фильмов Станислава Говорухина: «Так жить нельзя!»

И не просто констатировал неприемлемое поведение, но и предложил другие правила жизни:

... Он был поэт, он говорил:

«Да. Не убий!» Убьёшь – везде найду, мол!..

«Да кто ты такой, чтобы нас учить?» – вскричали порочные римляне и:

... гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
И гвозди в лоб, чтоб ни о чём не думал...

Ну, дальше – распятие Христа, воскресение, вознесение – этого я объяснить, простите, не смогу и не стану. Но правила – некоторый идеал человеческого поведения – остались. Вот вам и христианское учение.

Каждый человек думает о религии. Он думает о том, стоит во что-то верить или нет. Он определяет себя как верующего или неверующего. Если он верующий, то, стало быть, является приверженцем какой-то религии – в зависимости от окружения, в которое попадает.

А насколько он привержен? Если «просто верю, и всё», то он и есть «просто верующий». Если «разбираюсь, посещаю, соблюдаю», то его называют воцерковленным, во всяком случае в православной вере.

Человек может быть *сторонником* определённой веры. Он может говорить: «Я – православный», или «Я – мусульманин», или «Я – иудей». Само по себе это не означает ни фанатизма, ни глубокой приверженности, ни тем более воцерковленности. Так, самоидентификация. Ну, нравится мне *вот такая* религия.

А может и означать. И сопрягаться с регулярными молитвами, намазами и другими формами поклонения Богу.

Вот я и произнёс слово «Бог». Но как только такое слово звучит, начинаются неизбежные сакральные вопросы, начиная от «Есть ли Бог вообще?» и заканчивая «Кто его видел?» и «Какой он?». Настоящий атеистический фурор произвёл в этих поисках полёт Юрия Гагарина в космос в 1961-м году: «А! Гагарин-то в космос летал и Бога там не видел!» Чем крыть? Вроде и нечем.

Это я так думал, что нечем, пока не наткнулся, совершенно случайно, на биографию человека, которого звали Валентин Феликович Войно-Ясенецкий. Он сочетал амплуа священнослужителя и даже архиепископа, и одновременно выдающегося хирурга, имевшего за плечами одновременно три ареста и одиннадцать лет ссылки за антисоветскую деятельность в сталинский период и Сталинскую же премию первой степени за выдающиеся достижения в хирургии в 1946-м году. И стал он именоваться Святым Архиепископом Лукой. Вспомнил я о нём из-за одной только реплики, сказанной Лукой на допросе у известного чекиста Якова Петерса, расстрелянного в 1938-м, как и многие виновные и невинные.

– Вы, – говорит Петерс, – Бога-то своего видели, поп и профессор Ясенецкий-Войно?

– Бога я действительно не видел, господин обвинитель, – отвечает тот. – Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил...

Такие дела. Тут уж крыть точно нечем. Ну, следуем дальше.

Как я сам себя определяю? По самоидентификации как православный. В остальном в соответствии с социологическим термином «затрудняюсь ответить». При этом глубоко разделяю тезис о том, что вера – абсолютно личное дело. Считаю, что это не только приемлемая для меня, но и наиболее разумная позиция.

Почему? Да потому, что любую религиозную книгу – «Библию», «Коран», «Тору» её приверженцы читают и трактуют *по-разному*. Не читавшие или читавшие фрагментами (а таких большинство) разделяют позиции *трактующих по-разному*.

Всё это, думаю, возможно – но до той черты, пока ты не наступаешь на чувства верующего в другие постулаты. А когда про себя – это как минимум безопасно.

Но вернёмся к научному атеизму, он же религиоведение. Там же не только про христианство. Там есть, например, и про буддизм, которым я заинтересовался так же, как легендами и мифами Древней Греции и Древнего Рима – то есть как сказками.

Буддизм, – рассказывали «Спутник атеиста», «Настольная книга атеиста» и другие похожие источники, происходит от санскритского слова «будда», буквально – просветлённый, и является одной из трёх мировых религий, получивших наибольшее распространение среди населения ряда стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

По представлению буддистов, каждое существо, достигшее высшей святости, может стать буддой, то есть просветлённым. Будда, прозванный в его земной жизни Шакьямуни («отшельник из рода шакьев»), поведал людям учение о «спасении», которое его последователи называют санскретским словом «дхарма» (учение, закон).

Ага, думаю, значит сначала, как и в случае с Иисусом, был всё-таки живой человек. Понятно!

Ну да... – как-то с оглядкой соглашается со мной «Спутник атеиста»: вопрос о том, является ли личность Шакьямуни полностью мифической, или в основе его биографии, расцвеченою религиозной фантазией составителей, лежат некоторые реальные факты, наукой пока не решён. Однако не подлежит сомнению, что Шакьямуни единоличным «создателем» буддизма, каким его иногда представляют, быть не мог.

Опять же ясно: приверженцы-последователи «живого» человека расширяли, углубляли, продвигали его озарения дальше.

Но рядом с буддизмом существовал индуизм. Он стал понятен и даже близок советским людям опять же из песен бессмертного Владимира Семёновича:

... Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Иисуса,
Кто ни во что не верит – даже в чёрта, назло всем, –
Хорошую религию придумали индузы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем...

Но вот тут-то буддисты не соглашались. Если индуисты утверждали, что путём различных жертв и заклинаний можно достичь «хороших перерождений», то есть стать ну не «добрым псом», конечно, как у Высоцкого, а раджей, брахманом, богатым купцом, царём и так далее, то у буддистов иное отношение к реинкарнации. Перерождения происходят, но высшей целью буддиста должно быть их полное прекращение и достижение нирваны как совершенного состояния! Что, собственно говоря, и произошло с Буддой.

С одной стороны, следуя по пути спасения, указанному Буддой, живое существо должно снова и снова перевоплощаться. Но это будет путь восхождения к «высшей мудрости», достигнув которой человек может выйти из «круговорота бытия» и завершить цепь своих перерождений. Наиболее существенным в учении Будды его последователи считают то, что он познал причину и сущность бытия – страдание и указал тот путь, который ведёт к прекращению страданий, к спасению, к небытию.

Путь этот проходит через «четыре благородные истины». Первая из них утверждает, что всякое существование есть страдание. Вторая – что причина страдания заложена в самом человеке: это жажда жизни, наслаждений, власти, богатства; привязанность к жизни в любой её форме. Третья истина объявляет, что прекратить страдания возможно: для этого следует освободиться от жажды жизни, достичь состояния, при котором всякое сильное чувство отсутствует, всякое желание подавлено. Наконец, «четвёртая благородная истина» заключается в прохождении восьми позиций: «праведного взрения, праведного стремления, праведной речи, праведного поведения, праведной жизни, праведного учения, праведного созерцания, праведного самопогружения» (медитации)...

Вот как-то так. Но зачем я излагаю про буддизм? И как это связано с моей историей, её предыдущей и последующей частями? Представьте себе, связано! Всё узнается и логически соединится своим чередом. Так что спустимся из атмосферы заоблачных философий на монгольскую землю, грешную и не очень, где происходило вот что. Друг-директор Коля однажды, с видом знающего больше других человека, объявил мне, что в Баторе будет проходить Съезд азиатских буддистов за мир.

– Тебе это интересно?

– Честно сказать, не очень. «За мир» – это хорошо, мы все за мир. А дальше пойдут всякие заглублённые мудрствования. Но я особо заглубляться не хочу.

– Да я тоже, – говорит Коля, – но интересно другое. Есть возможность узким кругом – я, ты, ещё пары коллег – встретиться с... одним человеком.

– Что за человек?

– Это необычный человек. Его называют не так, как он хочет сам. А сам он называет себя... В общем, ты сможешь спросить об этом лично, если встреча состоится...

И встреча состоялась. Я знал, что загадочный человек прилетел в Батор из Союза и уже провёл тут несколько встреч, которые сведущие спутники называли «учениями». Наше общение проходило в крупнейшем и единственном тогда в социалистической Монголии буддийском монастыре со сложным названием, которое я не мог сходу выговорить – Гандантэгченлин. Местные кратко именовали его Гандан.

Нас провели в одно из помещений Гандана, где обещанный человек ждал и вежливо поприветствовал гостей по-английски.

Выглядел он лет на сорок, был брит наголо и одет в традиционный наряд буддийских монахов – что-то нательное, а сверху накидка-мантия пурпурно-жёлтого цвета – кашая. Изначально, столетиями и даже тысячелетиями предполагалось, что эта одежда, во-первых, скромная, а во-вторых – на все случаи жизни: её можно использовать, например, вместо одеяла, матраса или навеса от дождя.

Естественно, мы заранее поинтересовались правилами поведения в культовом помещении. Нам ответили, что никаких особых правил нет, тем более что это не обряд, а просто разговор. Ах, да: снимите обувь, а носки можете оставить. Если не станете снимать ботинки, вам даже не сделают замечания, но лучше снимите.

В помещении накрыли стол, совсем не такой, как во французском Шамони: цампа, которую я уже упоминал; сущёный сыр, момо (по-нашему это пельмени), чай с молоком – всё вегетарианское.

Мы пригубили чай, и я, набравшись смелости, задал прямой вопрос:

– Мы рады приветствовать Вас и спасибо за согласие встретиться. Но позвольте спросить: кто Вы и как к Вам обращаться? Мы, конечно, знаем про все Ваши титулы, но слышали также, что Вы предпочитаете, чтобы они оставались «за кадром».

Человек улыбнулся:

– Это самый простой вопрос из всех возможных. Да, так и есть: громкие титулы неуместны. Я обыкновенный буддийский монах. А зовут меня Тенцзин.

Мои спутники с облегчением вздохнули: обычный так обычный. Значит, и разговаривать будем обычновенно.

– Мы знаем, что Вы на днях побывали в Москве? Это случилось впервые? Как Вам понравилась эта поездка?

– Да, я посетил СССР и Москву в первый раз. Встреча была очень радушной, но очень строгой. Меня везде окружали подтянутые люди. Конечно, я догадывался, что это сотрудники могущественной организации КГБ. Я понимаю, что столь серьёзная опека делалась в интересах моей безопасности...

Здесь Тенцзин засмеялся. Он вообще постоянно смеялся-улыбался, но очень спокойно, почти беззвучно и неагрессивно; располагающе и по-доброму смотрел в глаза каждого собеседника.

– Я даже побывал в кабинете Ленина в Кремле, посмотрел, как жил и работал тот, кого они зовут вождём мирового пролетариата. Думаю, что такое название слишком громко. Он, как и я, обычный человек, просто так всё сложилось: в какой-то момент Ленин увидел, чего хотят люди и использовал их стремления.

Люди и сейчас многое хотят, но проблема не в этом. Проблема заключается в том, что они ждут, что кто-то должен прийти и дать им желаемое. Ленин. Или Брежнев. Или Тенцзин (опять смеётся). Я пришёл в восторг от советских людей. Они очень добрые, но... очень наивные. Им никто ничего не даст, они должны всего достичь сами...

Теперь смеюсь я и спрашиваю:

– В Москве Вы встречались только с молчаливыми агентами КГБ или с кем-то ещё?

– Я встречался также с несколькими советскими учёными. Я сказал им, что в буддизме выделяют пять видов сознания, связанных с органами чувств, и шестой вид сознания – ментальный. Они тут же заявили, что это всё религиозные материи, и не пожелали ничего обсуждать. Конечно, я не стал с ними спорить, но для меня стало очевидным, что это ограниченное мировоззрение.

– А Ваше мировоззрение ничем не ограничено?

– И да, и нет. Оно не ограничено в том смысле, что я отчётливо понимаю: цель жизни – счастье. С момента рождения каждый человек хочет счастья и не хочет страдания. Ни социальные условия, ни образование, ни идеология не влияют на это. Я не знаю, есть ли во Вселенной с её бесчисленными галактиками, звёздами и планетами более глубокий смысл или нет, но мы, люди, живущие на

этой земле, имеем задачу создания счастливой жизни для нас самих. Кто и что может ограничить нас в этом желании? Никто и ничто.

Если же говорить об ограничении моего мировоззрения, то в философском плане оно ограничено, вопреки моим желаниям счастья, злом и ненавистью, которые, к сожалению, присутствуют в нашем мире. Это помехи состраданию, которое и ведёт к счастью; это чрезвычайно сильная энергия, эмоции, способные овладевать нашим разумом. Однако существует возможность развить равную по силе, но управляемую энергию, с помощью которой можно держать в руках трудные ситуации. В этическом плане ограничения выражаются в моём неприятии войны и насилия...

– То есть Вам известен путь к счастью?

Тенцзин помолчал, серьёзно и внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Нет пути к счастью. Само счастье и есть путь...

– Хорошо, понятно, но вы знаете, я приехал из страны материалистов и хочу задать вам материалистический вопрос: «Кем нужно быть и что иметь, чтобы быстрее достичь счастья? Человек, достигший статусных высот, имеющий определенное состояние, видимо, имеет приоритеты для достижения счастья, если он к тому же ещё добр и честен?»

– Счастье не зависит от того, кто вы или что у вас есть. Оно зависит исключительно от того, что вы думаете.

– И даже?..

– И даже то, о чём вы хотите спросить. Вы ведь намереваетесь спросить о Боге? Не так ли? Да, мы сформированы из наших мыслей. Да, мы сами и другие становятся теми и тем, о ком и о чём мы думаем. Да, если вы считаете, что Бог есть – значит, он есть. Считаете по-другому – значит, так тому и быть.

– Вы упомянули Вселенную. Кто её создал, Бог, или всё произошло как-то по-иному?

– Вопрос о создании и развитии нашей Вселенной весьма сложен, давайте оставим его в стороне. Мы не разберёмся с этим вопросом за время нашей непродолжительной встречи.

– Хорошо, вот Ваша мысль о стремлении к счастью, о сострадании. Кто должен нести эту идеологию людям помимо Вас лично? Ваша церковь? Ваша община, движение? Как они устроены?

– У буддистов нет церкви. И нет идеологии. Я не верю в создание движений или разработку идеологий. Также мне не нравится практика учреждения организаций для распространения определённой идеи, так как это подразумевает, что только одна группа людей отвечает за достижение данной цели, в то время как все остальные освобождены от этого. В теперешних обстоятельствах никто не может позволить себе полагать, что кто-то другой решит наши проблемы; каждый из нас должен взять на себя долю всеобщей ответственности. По мере того как будет расти число заинтересованных, ответственных личностей, сотни, тысячи и сотни тысяч таких людей заметно улучшат общую обстановку.

– А мировые религии? Они что-то делают не так, когда строят храмы, создают приходы?

– Цель религии – не в строительстве красивых церквей и других храмов, но в воспитании хороших человеческих качеств, а это терпимость, великодушие и любовь.

– Но, как я понимаю, такова цель любой религии...

– Верно. Каждая мировая религия основывается на заповеди, говорящей, что мы должны уменьшить свой эгоизм и служить другим. Но! К несчастью, иногда религия сама создаёт больше конфликтов, чем разрешает.

– И в этом смысле Ваша религия – самая приемлемая?

– Категорически нет! Во-первых, буддизм – не совсем религия, или совсем не религия, или особенная религия. Выбирайте, что Вам нравится. Во-вторых, одна, любая, религия, как один вид пищи, не может удовлетворить всех. Соответственно разным установкам сознания, некоторые получают пользу от учений одного типа, некоторые – от другого. Каждая вера обладает способностью создавать хороших, добрых людей, и, несмотря на их приверженность разным философским концепциям, все религии преуспели в этом. Таким образом, нет причины вовлекаться в разделяющий людей религиозный фанатизм и нетерпимость, и есть все причины любить и уважать все формы духовной практики.

– Но могли бы Вы, пусть и кратко, описать хотя бы религии Азиатского региона?

– Попробую. В Китае развито конфуцианство. Это подчинение власти.

В Индии господствует индуизм. Это поклонение богам.

На огромных территориях люди привержены исламу. Это поклонение канонам.
Буддизм – это постижение смыслов...

Я знаю, что у Тенцзина запланированы вскоре ещё одни «учения», и поражаюсь, что он не произносит фразы типа «Извините, я должен прервать нашу беседу и сделать то-то и то-то». Наверное, я сам должен догадаться об этом. И произношу приличествующие слова о том, что, мол, понимаю, мало времени, надо заканчивать, но можно ещё вопрос? Этот вопрос предварительно мной не подготовлен, его навеяла атмосфера места нашей встречи.

– Да, конечно.

– Скажите, что за мелодия всё время звучит из динамиков во время нашей беседы? Мне кажется, там произносятся под музыку одни и те же слова.

– Верно. Это мантра.

– Что такое мантра?

– Если хотите, это наше послание шести мирам, из которых состоит Вселенная. Мантра олицетворяет собой чистоту тела, речи и ума Будды.

– Такое послание отправляется только посредством музыки и пения?

– Совершенно не обязательно. Вы можете произносить эти слова как молитву вслух, можете медитировать про себя, можете просто покрутить молитвенный барабан. Если Вам придётся видеть буддийских монахов, Вы заметите, что многие из них постоянно носят с собой такие маленькие барабаны и врачают их...

Тут я вспомнил рассказ Мориса про Мухтинатх, где все паломники врачают такие барабаны и теперь понял смысл этого.

– И у Вас я вижу эти барабаны. И флаги. На них очень много всяких знаков. Что они означают?

– Вы этого не сможете понять за час, два или три, как бы я ни объяснял. Процесс познания высших смыслов очень продолжителен. На это может уйти вся жизнь.

– Но в том, что звучит сейчас, содержится – во всяком случае, я так слышу – всего несколько слов. Что они означают? Может быть, я ошибаюсь, но различаю только одно слово – «money»... Это вроде бы деньги, но причем тут деньги?

– Снова Вы правы. Сейчас звучит самая главная буддистская мантра. Там действительно есть слово «money». И это действительно деньги, а если шире, то сокровища, драгоценности. Что касается других слов, то «ом» – это вообще всё сущее... «Падме» – цветущий лотос. «Хум» – сердце.

– И как же расшифровать смысл этой фразы?

– Как Вы понимаете – так и расшифровывайте.

– Я попробую. Что, если так: всё вокруг... нет, все драгоценности вокруг собраны, заключены в цветке лотоса. И в моём сердце...

– Путь так и будет. Но кое-что добавлю. Они ещё не заключены в Вашем сердце. Сокровища мира в цветке лотоса – это абстракция и высшая цель. Вы должны стремиться достичь этой цели и почувствовать все драгоценности, весь мир в своём сердце.

– Где, в какой стране и в каком месте можно лучше всего сделать это?

– Это не исключено в любой стране и любом месте и зависит от Вашего настроя. Но конечно, есть особенные места.

– Это Тибет, Лхаса, гора Кайлас? Я слышал об этом. Вы там живете?

– Да, Тибет – это центр буддизма. Я жил там, но, к сожалению, теперь лишён такой возможности. Мешает так называемая китайская проблема, в которую мы сейчас не будем углубляться. Я сейчас живу в Индии.

– В Индии можно почувствовать «все драгоценности мира в цветке лотоса и в своём сердце»?

– Повторяю: это можно почувствовать в любом месте. Но есть действительно особенные места. Если говорить об Индии, то здесь находится три места, связанных с жизнью Будды. Я бывал в этих местах и каждый раз чувствовал приближение высшего познания.

Но четвёртое и, возможно самое главное место – это место рождения Будды, город Лумбини в Непале. Я очень хочу посетить это место! Если бы я попал туда, то смог бы рассказать Вам о своих ощущениях. Но тут вновь есть преграды со стороны Китая.

Никуда не деться от политики! Непал – независимая страна, и «старший брат» у него – Индия, а не Китай. Китай не может напрямую контролировать Непал. Но дело вот в чём. Непал – это Гималаи, к которым примыкает Тибет. Непальцы хотели бы видеть Тибет свободным. Мне рассказывали, что в Непале многие даже носят майки с вышитой на них надписью «Free Tibet». Вот почему китайские власти всячески препятствуют моей поездке сюда. Они хотят духовно захватить Лумбини...

Я задумываюсь о том, что мы как-то опять вырулили на Непал. Спонтанно и не совсем логично перешли от высоких материй к конкретной стране. А Тенцзин продолжал:

– Я мечтаю попасть в Лумбини. Там находится храм Майя Деви – матери Будды, с древним памятным камнем, изображающим рождение Будды. К храму примыкает колонна императора Ашоки с надписью, свидетельствующей об этом рождении. Здесь, в зелёной роще, под деревом Бодхи, родился Будда. Его называют Будда Шакьямуни, потому что он происходил из древнего царственного рода Шакья. Шакья создали своё царство в Гималаях, на территории нынешнего Непала.

Легенды гласят, что, когда Будда вошёл в этот мир, он сказал: «Это моё окончательное возрождение». Он мог самостоятельно ходить сразу же после рождения, и когда сделал первые семь шагов, под каждым из них расцвёл цветок лотоса.

Потом... исторические катаклизмы привели к тому, что Лумбини был разрушен и заброшен на сотни лет. Но уже в наше время случилось чудо. Сравнительно недавно Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций У Тан – а он буддист – посетил Лумбини для молитвы и медитации. Плачевное состояние, в котором находилось место рождения Будды, поразило У Тана, и на средства ООН самый известный японский архитектор двадцатого столетия Кэндзо Тангэ спроектировал амбициозный проект под названием «Зона развития Лумбини».

Я верю в то, что данный проект будет реализован. Я мечтаю о том, чтобы каждая страна, в которой есть представители буддийского вероисповедания, могла построить на территории Лумбини свой храм...

Не в силах удержаться от приступа безобидной иронии, я с улыбкой задаю, скорее, риторический вопрос:

– Выходит, счастье в будущем? Советские люди тоже в это верят!

Тенцзин тоже улыбается:

– Секрет здорового ума и тела заключается в том, чтобы не сокрушаться над прошлым, не слишком беспокоиться о будущем и осознанно жить настоящим. А мечта, поверьте мне, – это то, что ведёт к счастью!

– Спасибо Вам за откровения и тёплую встречу. Вы разговаривали со мной так, будто мы знакомы всю жизнь.

– Открою секрет: я стараюсь общаться с каждым, кого встречаю, как со старым другом. Это даёт мне настоящее чувство счастья. Это – практика сострадания...

Да, Непал. Опять Непал, как и на встрече с Морисом. Но Мориса интересовало исключительно физическое – реальные горы, реальное солнце, реальная еда, реальные обмороженные руки и ноги. Философские излияния были ему совсем не свойственны и даже чужды. А здесь материального вообще нет: даже чай с сухариками какой-то неземной, воздушный. И Непал. Опять Непал. И как жить. И во что верить...

ГЛАВА IV

Дип

Я опять про загранку. К концу 80-х, по мере развала своей страны, вопросы выезда из неё и въезда в страну чужую всё больше облегчались. При этом к поездкам туристическим и гостевым интенсивно добавлялись поездки целевые – по какому-нибудь представляющему интерес для, так сказать, всего человечества или его значительной части делу. Правда, в общечеловеческом практически всегда прослеживалось, при внимательном рассмотрении, личное и материально мотивированное, но посягать на «святое» не буду. Излагать подробно, зачем и в чьих интересах мы поехали изучать организацию частного образования аж в Туманный Альбион, – тоже.

Хотя о том, почему в числе объектов нашего посещения оказались элитные колледжи, сказать придётся, отчего ж не сказать. Мало-помалу, а деньги у россиян появлялись. Умные зарубежные эксперты прогнозировали дальнейшее развитие рыночного процесса вместе с ожидаемым в обозримой перспективе падением «железного занавеса». Ну, эксперты не обещали, что у всех наших соотечественников произойдёт рост благополучия. Эксперты помалкивали о том, что у большинства граждан ситуация с деньгами скорее ухудшится, что помешает весело и с песней упавший «занавес» перешагнуть. Так и что? Инициаторов нашей поездки люди не интересовали, поскольку русская массовка в «местах обетованных», куда нас везли, никак не предполагалась, пусть и за большие деньги: «общечеловеческий» вопрос имел значение лишь для отдельных избранных. Но на то и собирали в группу именно нас – специалистов по «человеческим душам», которые обладали способностями достучаться до избранных.

На определенном этапе ознакомительной программы мы попали в суперэлитное заведение со столицей высоким названием «The King's College of Our Lady of Eton beside Windsor». Если сокращённо и по-русски, то «Королевский колледж Итона».

Для приезда в Итон иностранных интересантов имелись и внутренние стимулирующие основания: если на протяжении многих лет существовала реальная «очередь» на поступление в колледж, в которую родители записывали своих сыновей (Итон – учебное заведение для мальчиков 13–18 лет) ещё при рождении, то в дальнейшем правила приёма стали более доступными, если, конечно, иметь в виду доступность для солидного кошелька.

Элитарность тут вправду присутствовала, и во всём: в истории – колледж основал в 1440-м году король Генрих VI; географии – школа находилась в тридцати километрах от Лондона, на берегу Темзы, рядом с королевским Виндзорским замком; в обилии знаменитых и статусных людей, Итонский колледж закончивших – среди них, например, значились писатели Джордж Оруэлл и Ян Флемминг, философ Фрэнсис Бэкон, физик Роберт Бойль, а уж премьер-министрам Великобритании несть числа – их обучалось в Итоне около двадцати. Элитарными были и образовательные возможности: Итон рассматривался как отличная стартовая площадка, практически гарантирующая попадание после окончания колледжа в свои, английские и лидирующие университеты – Оксфорд, Кембридж, а в принципе в любой престижный университет мира.

Мы приехали в Итон на «общественном транспорте», что вызывалось вовсе не экономией, а желанием организаторов продемонстрировать близость от столицы государства, красоту и комфортность прилегающей к Итону местности. Мы сели на электричку в Лондоне и доехали до станции Windsor & Eton Riverside, после чего совершили великолепную прогулку пешком. День для посещения выбирался организаторами не случайно: в колледже что-то праздновали; проходили конкурс ораторского искусства, состязания по крикету и ещё много зрелицкого. Для гостей оказались возможными прогулки на лодках и даже пикник, чем мы с удовольствием воспользовались.

Моего персонального сопровождающего звали Петер. Он давно ассимилировался в Британии, однако имел русские корни и не терял связи с Россией, которая тогда ещё числилась СССР. Собственно говоря, именно Петеру пришла в голову идея собрать группу из представителей Союза и «подшёфных» стран социалистического лагеря для посещения искомых объектов, тем более что «лагерь» в Европе затрещал гораздо быстрее, чем на бескрайних российских просторах.

Петер не раз бывал в Итоне, знал некоторых учителей и даже учеников в лицо. А когда мы катились на лодках, он увлеченно рассказывал о них, перечисляя учёные достоинства преподавателей и особенности родословной породистых отпрысков. Вежливо здоровался с ними, представлялся сам и представлял нас.

В какой-то момент и без того не по-английски оживлённый Петер ещё более возбудился и, понизив голос, заговорщики прошептал, показывая на проплывающую мимо лодку:

– Посмотрите на того молодого человека. Никогда не догадаетесь, кто это такой.

– Неужели настоящий английский лорд? – шутливо отреагировали мы с товарищем по путешествию. А про себя подумали: «Ага, лорд! Черноволосый и косоглазый! Индус какой-то! Или колониальные индусы доросли уже до лордов?»

– Нет, он не лорд, он... принц.

– Английский?!

– Нет, он принц Непала.

— Однако!
— Хотите, познакомлю?
— А что, интересно, знаком!

Причалив к пристани, мы подождали, пока пришвартуется и лодка с принцем. Петер, который прежде был знаком с принцем, обратился к нему:

— Приветствую Вас, Ваше высочество. Позвольте представить Вам моих друзей из СССР. Это Алекс.

— Я здесь никакое не высочество, я обыкновенный студент. Тем более, что, насколько я знаю, в СССР нет никаких высочеств. Поэтому называйте меня просто Дип. Или — громко смеётся — зовите Вашим любимым словом «товарищ». Да-да, я всё знаю про Вашу страну. У Деви в Москве родственники, они рассказывают Деви о Вашей стране, а она — мне...

Я не знал тогда, кто такая Деви, но не стал расспрашивать, а продолжил СССРовскую тему:

— А что Вы ещё о нас знаете?
— Ну, то, что все теперь знают.

И Дип произнёс знакомые слова, смешно коверкая русские буквы:

— Гор-бат-чоф. Периз-строй-ка!..

Короче говоря, мы как-то быстро расположились друг к другу, и Дип предложил встретиться вне праздника и вообще вне колледжа. Разумеется, мы с удовольствием приглашение приняли. Но посмотрели вопросительно на Петера: он прежде рассказывал нам о строгих порядках в колледже, о почти армейской дисциплине...

— А, не волнуйтесь, — пояснил Петер, — Дип уже взрослый парень, ему восемнадцать, в этом возрасте студентам можно значительно больше, чем молодняку. К тому же сейчас как раз short leave, то есть день, когда студенты могут отлучиться из колледжа.

Вскоре мы встретились в одном из пабов Итона. Без лишнего промедления Дип заказал себе и нам виски...

Тут имеет смысл сделать лирическое отступление, и о виски, и об алкоголе вообще, поскольку эти категории имеют значение почти во всех закрученных историях, а в нашей — так и довольно серьёзное значение.

Сначала о виски. К концу 80-х мне удалось попробовать виски всего несколько раз. При этом и я, и другие отечественные «дегустаторы» сошлись во мнении, что это какая-то самогонка. А в понятие «самогонка» в советские времена вкладывался негативный смысл: мол, бурда, сивуха, «вонючка». Что уж говорить о сортах виски: не знали мы никаких сортов. Максимум «вискарной» компетенции составляли почерпнутые из книг и фильмов названия «Вайт хос» и «Бурбон». Мы впитали в себя, что «Вайт хос» пьют храбрые американские ковбои в джинсах и с огромными револьверами, в которых никогда не заканчиваются патроны. А «Бурбон», да ещё двойной, пьёт знаменитый французский актер Ален Делон, поскольку «не пьёт одеколон», в отличие от наших забулдыг. Разумеется, мы не понимали, что «Белая лошадь» представляет собой один из самых дешёвых сортов ячменного виски, а «Бурбон» делают из кукурузы, что, впрочем, само по себе не свидетельствует ни о плохом, ни о хорошем качестве.

Отсюда и на вопрос Дипа, какой виски предпочитаю, я ответил: «Вайт хос». Тот посмотрел на меня с удивлением и предложил попробовать что-то другое. Оставалось с умным видом сказать «о'кей»... Таким образом, заказанное Дипом виски стало третьим названием напитка, которое я усвоил: «Джек Дэниэлс».

Теперь об алкогольных порядках в Итоне и Британии. Официально пиво в пабах здесь можно пить с 16 лет, но обязательно с едой и не более двух пинт, или, по нашим меркам, двух пол-литровых кружек с лишним. Видимо, поэтому «выход в город» разрешался студентам, достигшим именно такого возраста. Законопослушный бармен в пабе аккуратно отмечал, сколько кружек каждый из юношей выпил, но, когда студентов было много, просто сбивался со счёта.

Никакого сухого закона не существовало и в самом колледже, где на праздничных вечерах, торжественных мероприятий подавали и шампанское, и сухое с десертным, и упомянутый бурбон. Все напитки отпускались в умеренных объёмах и с ранжированием по возрастам, но если захотеть накачаться... Не знаю, как другие, но Дип хотел и накачивался, во всяком случае на нашей встрече.

— Я знаю, что ваша страна кого-то там крупно победила во Второй Мировой войне, значит, в ней есть могучая армия. Но лучшая в мире армия берёт начало у нас, в Непале, — вдруг заявил принц.

— О-о-о! Вот как? Ну, расскажи, — с усмешкой отреагировали мы, так как ни о какой крутой непальской или берущей начало в этой стране армии слыхом не слыхали и ни секунды не сомневались в блефе, который тотчас же будет разоблачён. Однако дальше произошло странное, натуралистическое и отчасти страшноватое действие, переключившее наши сомнения на другое: а вполне ли нормален этот самый принц?

— «Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!» — закричал Дип и выхватил из-под длинного пиджака-накидки большой кривой нож. Повертел им над головой, принц сильно ударил ножом по столу: на столе образовался заметный рубец, а бармен и посетители паба прервали свои разговоры, застыли и обратили взгляды на нас. Дип успокоился и спрятал оружие в ножны. Но перед этим... чиркнул себя по пальцу — так, что потекла кровь.

— Точно сумасшедший, — подумал я. — Пьяный сумасшедший.

Словно прочитав мысленно, а не вслух произнесённые мной слова, Дип спокойно сказал:

— Я не сумасшедший. Вы же просили рассказать про непальскую армию, вот я и начал. «Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!» в переводе на английский означает «Слава великой Кали, гурки идут!». Вы слышали про гурков?

— Хм... Нет.

— Тогда слушайте. Только что я произнёс боевой клич гурков. Вряд ли вы поняли значение слова «Кали» в этом кличе, но я поясню: Кали — почитаемая нами богиня. А это — принц похлопал по спрятанным ножнам — кукри-нож, национальное оружие гурков. Кукри-нож нельзя убирать в ножны, пока не напоишь его кровью. Кровью врагов! Но вы же мои друзья! Поэтому пришлось порезать палец, иначе нельзя...

Посетители паба немного успокоились, но продолжали опасливо поглядывать в нашу сторону. Мы воздержались от просьбы посмотреть на кукри-нож ещё раз, хотя очень хотелось. А принц продолжал свою просветительскую речь.

— Гурки — это народ, живущий в Непале. Вы наверняка знаете, что англичане на протяжении многих лет пытались колонизировать Индию и в конце концов сделали это. Для британцев Непал был так себе, фитилька по сравнению с Индией. Но «фитилька» оказалась не по зубам даже такой великой империи, когда в начале XIX века она столкнулись с гурками, и началась война. Эти события до сих пор называются Войной гурков. Непал не стал колонией подобно Индии, но что-то уступил. Однако самое любопытное заключается вот в чём: увидев, как сражаются гурки, британцы решили нанять их в свою армию, то есть предложили гуркам службу по контракту в войсках британской короны. Так в английской армии появилось национальное элитное спецподразделение, которое впоследствии участвовало во всех войнах Британской империи.

Я читал воспоминания немецких солдат, которые столкнулись с гурками во Франции, в период Первой Мировой войны. Они рассказывают, как непальские гурки, маленькие и темнокожие азиатские варвары, идут в атаку, не пригибаясь даже под пулемётами. Конечно, многие падали и умирали под огнём, но оставшихся — как бы мало их ни было — смерть товарищей не останавливалась. Гурки никогда не отступали. Уцелевшие врывались во вражеские окопы, и тут начиналось такое, что надолго запомнилось тем врагам, кто случайно остался в живых. Вот этими самыми кукри-ножами гурки вырезали всех, кого встречали на пути.

Имя ножа носит целое боевое искусство — кукри. Кукри-нож — массивный, прочный и прекрасно сбалансированный, он изготавливается только методом ручной ковки. Ножом можно рубить дрова, резать овощи и даже бриться. А уж в бою ему нет равных! Кукри-ножом колют, рубят врага; метают нож.

Да! У нас есть даже кукри-ром! Он разливается в обычные фляжки и бутылки, но для сувениров делают ёмкость в форме стеклянного кукри-ножа, полого внутри.

Да что говорить про прежнюю империю! И сегодня гурки воюют за Великобританию. Вы, я уверен, знаете про сравнительно недавнюю войну между Британией и Аргентиной за Фолклендские острова. К ним подтянулась туча английских кораблей с огромным числом британских военных. Но аргентинцы ожесточенно сопротивлялись на островных холмах. Однако, когда солда-

ты, оборонявшие ключевой холм вблизи Порта Стэнли, узнали, что придётся сражаться против подошедшего к холму батальона гурков, то тихо, ночью, без боя оставили свои позиции...

Принц достал из кармана значок-кокарду из перекрестья в виде ножей-кукри:

— Скрещённые кукри являются эмблемой бригады гурков, которую они носят на форменных головных уборах.

— Как гурков набирают в английскую армию? И насколько такие действия поддерживаются властями Непала?

— Набор производится каждый год. Тысячи непальских юношей стремятся попасть на службу британской короне. Отбор выдерживает не более чем каждый десятый претендент. А если бы такой конкурс предложили другим нациям, скажем, вашим парням? Смог бы его пройти хотя бы каждый десятый? Я думаю, что вряд ли. Сумели бы русские целый час беспрерывно бежать в гору, когда за плечами висит корзина, нагруженная тяжелыми камнями? Не знаю. А гурки могут, потому что их жизнь с детства проходит высоко в горах, они и в обычной жизни таскают эти корзины...

Мы, естественно, считали, что русские смогут: и с камнями, и без камней; и в гору, и с горы. Вот ещё, нашёл, с кем конкурировать! Но возражать не стали — пусть потешит самолюбие. И Дип продолжал, не затрагивая больше, слава Богу, наших чудо-богатырей:

— Зачем препятствовать службе в британской армии? Она и престижна, и предлагает такие материальные бонусы, которые королевство Непал дать не в состоянии. После 15 лет непрерывной службы солдат может рассчитывать на пенсию, о которой в родном Непале и не мечтают. Выйдя в отставку, боевой гурк приносит пользу своей стране: инструктором в армии, охранником на гражданске. Да чего уж скрывать, и «солдатами удачи» они порой становятся после службы...

Дип опять достал клинок, не вынимая его на этот раз из ножен полностью.

— Обратите внимание: в сечении лезвие имеет треугольную форму, символизирующую триединство индуистских богов — Брахмы, Вишну и Шивы. Впрочем, я не уверен, знаете ли вы, кто это. Англичане не знают, и вы точно не знаете.

— Да, мы не в курсе. Но с удовольствием узнаем это от тебя.

— Смотрите: Браhma — создатель, Шива — разрушитель, а Вишну — хранитель — все вместе они составляют тримурти, триединое божество.

— А есть ли главный среди них?

— Да. Первое место в триаде богов занимает Браhma. Он сотворитель мира и создатель вселенной...

Разбираться с богами нам явно не хотелось. И мы вернули тему разговора к гуркам:

— Дип, а ты сам гурк? — весело спросил я и протянул руку, чтобы панибратски хлопнуть принца по плечу. Признаюсь, что к тому моменту мы уже прилично выпили. Дип ловко уклонился, подобрался и холодно заметил:

— Если бы ты хлопнул гурка-воина по плечу, он разбил бы тебе голову. Или сломал челюсть. Голой рукой. Это в лучшем случае — если бы удержался от желания достать кукри-нож. Таковы традиции, которые включают и запреты. Нельзя хлопать гурка по плечу, если ты не его близкий друг. Что касается меня, то я не гурк. Я будущий король гурков. Я Махараджадхираджа. Я Бог...

Мы затихли, не зная, продолжать ли беседу или закончить её от греха подальше. Но решили не сворачивать и сочли за лучшее как-то смягчить разговор и спустить его «на тормозах».

— Ну, хорошо, про кукри-нож и про выносливость понятно. За неуместный жест я приношу извинения. А чем ещё гурки вооружены? Вряд ли они идут на неприятеля с одним ножом и голыми руками. И стрелять умеют, наверное?

Тут мы, что называется, попали на призовую тему: разговор с Дипом принял совершенно неожиданный оборот:

— Гурки, конечно, обучены обращаться с огнестрельным оружием. А вы сами-то стрелять умеете? — спросил принц.

Чувствуя какой-то подвох, я тем не менее ответил утвердительно. Да, я действительно умел стрелять, поскольку срочную службу проходил в специальном подразделении. Может, не в таком крутом, как у гурков — скажем, обращаться с кукри-ножом, да и с другими ножами нас не учили — разве что показывали, как действовать примкнутым к советскому автомату АКМ штык-ножом. Но вот пострелять пришлось вволю. И по горам побегать.

Дип накатил ещё вискаря и предложил:

— Так поехали выпустим по паре магазинов...

Получался какой-то вечер сюрпризов. Не увлёл бы он слишком далеко. Не очень понятно, как на такое предложение реагировать. Может, пошутить?

— Сейчас? Куда? В ваш коллеж?

Но Дип ответил вполне серьёзно:

— Нет, не сейчас и не в коллеж. Вы сколько ещё времени будете в Итоне?

— Три дня.

— Поедем послезавтра...

Мы продолжали тактику уклонения:

— Но студентам short leave послезавтра ещё не положен...

— А вам что до того? Мне всё положено. Петер, я тебе объясню, куда подъехать, а ты их привезёшь...

Никто ничего не забыл. Петер забрал нас через день и куда-то повёз. Куда конкретно, я сказать, естественно, не могу. И не из соображений секретности: просто мало ли куда тебя везут в незнакомой стране и местности, да ещё целый час. Но что приехали мы не в «чистое поле», а в оборудованное подземное стрельбище – это точно.

Дипа не было, но он появился минут через десять и снова нас удивил. Потому что прибыл на мотоцикле и в камуфляжной форме. Инструкторы стрельбища встретили принца как хорошего знакомого, и он провёл для нас мини-экскурсию.

— Оружия здесь целый арсенал. Смотрите, вот пистолеты, вот пистолеты-пулемёты; вот штурмовые и снайперские винтовки, вот автоматы и пулемёты.

— А станковые пулеметы и гранатометы есть? – я решил продолжать шутливый тон, а заодно продемонстрировать свою оружейную осведомлённость.

— Крупнокалиберных пулеметов и гранатометов, а также артиллерийских орудий нет. Специально от меня прячут, – поддержал шутку принц. – Жаль! А то бы я разнёс всю эту их конструкцию...

Осмотрев стрельбище, мы увидели, что оно оборудовано комплектом стационарных (стоящих-падающих) и движущихся (идущих-бегущих-встающих-падающих) мишней.

Дальше Дип выбрал пистолет, видимо, знакомый ему и раньше:

— Ну что, поехали? Как там у вас, у русских говорят: давай-давай?

И «поехал», сбив подряд несколько мишней и ни разу не промахнувшись. Затем из автомата положил весь бегущий ряд, и вновь ни один из «врагов» не «убежал».

— Из чего предпочитаете стрелять?

Я смутился и задумался. Принц явно палил хорошо, даже отлично. И я из того же британского или какого-то ещё иностранного оружия гарантированно пальнул бы хуже. Товарищ мой, а вместе с ним и Петер вообще участвовать в стрельбах отказались. Но деваться было некуда, и выход из положения я нашёл следующий:

— Может быть, есть российский автомат?

Дип довольно захохотал:

— Ка-лач-ни-коф? Конечно, есть. Есть даже пулемёт Ка-лач-ни-ков!..

Ну, как говорится, назывался груздём – полезай в кузов. И я полез. Когда служил в советской армии, то в моём подразделении не поразить мишени на «пятёрку» из автомата Калашникова – АК или ручного пулемёта – РПК считалось неприличным. Этот пулемёт вообще сказка. Там не как у автомата, где упираешься магазином куда-то в землю или придерживаешь ствольную коробку рукой: РПК можно поставить на ножки-сошки! Сорок патронов в «коробчатом» магазине и семьдесят пять – в «барабанном» вместо тридцати автоматных. Помнят, руки-то, помнят! Закрепил я пулемет на сошки, да как дал! Достойно вышло, не опростоволосился.

— Молодец, – говорит Дип. – Теперь давай из пистолета. Какой выбираешь?

Я вновь стал шурупить мозгами. Какой-какой. ПМ – пистолет Макарова, вот какой. Потому что и тут руки помнили, но совсем другое. Ну, что «Макаров»? Вот сидишь, допустим, в туалете на очке, простите, а на другом очке сидит враг. Стреляй, и, возможно, попадёшь, но не наверняка. Я и по мишням из «Макарова» не попадал или плохо! До тех пор, пока не понял: здесь прицельной автоматной стрельбы, когда затаил дыхание, подвёл мушку под прицел и нажал курок –

такого нет! Интуитивная стрельба! Навёл – поймал мишень – выстрелил. Сразу, без вдохов-выдохов и передышки. Как? А как-то так. С боевыми ветеранами разговаривал, они то же самое говорят: тут не думай и не мешкай, а просто лови момент и стреляй. Советам последовал и стал попадать нормально. Хоть с пояса! Не слишком прицельно, но человек не увернётся – куданибудь, да вмажу!

– Пистолет Макарова, – говорю Дипу.

– Ма-ка-ро-фа? – Инструктор стрельбища и принц переглянулись. – Нет такого. Об этом пистолете мы даже не слышали…

И тут я вспомнил про «Стечкин». Не полагалось солдатам, но офицеры давали пострелять из АПС – автоматического пистолета Степчика. Читаю сегодня в источниках: и тяжёлый, и неудобный… А был и есть престижный пистолет. Фидель Кастро радовался, Че Гевара гордился! Двадцать патронов, длинный ствол, приклад можно пристегнуть – в общем, современный «Маузер», который в фильмах про гражданскую войну показывают. Впрочем, внешне абсолютно на «Маузер» не похож. Но подержался, нажал курок – и уже себя счастливым и непобедимым чувствуешь. Бывает так, что душа восторгается, даже если не попал.

– А «Стечкин», – спрашиваю?

– «Стечкин»? Конечно! Это очень хороший пистолет!

Постреляли из Степчика. Дип аж с двух рук, как в кино – и опять на «отлично», я – на «троичку», но не позорно.

Дальше принц опустошил ещё несколько обойм из разных стволов, а потом выдвинул предложение, которое, как у нас говорят, «поражало своей новизной и оригинальностью» и от которого «невозможно отказаться». Да мы, разгорячённые, возбуждённые и проголодавшиеся, и не отказывались. Вскоре, в буквальном смысле сложив оружие, оказались в нужном месте с едой и выпивкой. На этот раз уже не в демократичном пабе, а в среднего уровня помпезности ресторане. Сюрпризом было то, что за столиком нас уже ожидала девушка.

– Познакомьтесь, это Деви, – представил девушку Дип, – она тоже студентка в Итоне…

А-а-а, да-да, на прошлой встрече он упоминал Деви, рассказывающую про Советский Союз. И теперь предстояло раскусывать очередную головоломку! Ведь Королевский колледж в Итоне предназначен для мальчиков – мы это точно знали. Видя наше замешательство, Дип, на этот раз вместе с Петером, снова взялись за наше просвещение.

Насчет «мальчикового» колледжа мы не ошибались, просто не предполагали, что порядки в колледже, конечно, строгие, но не настолько, чтобы лишать воспитанников общения с женским полом. Причём общение получалось довольно регулярным. Девочки приезжали в колледж из соседних, «девчачих» школ, чтобы посмотреть праздничные представления. Они могли даже участвовать в театральных постановках, или играть на концертах, а до этого – общаться с мальчиками на репетициях. Ну и, наконец, этот самый shot leave, когда проводить время вместе можно было без опеки и посторонних глаз. То есть варианты для знакомства с противоположным полом существовали, и молодые люди ими активно пользовались.

Деви обладала характерной индийской внешностью – ну, как принцесса из тамошних фильмов, которых я в детстве насмотрелся дай Бог. Почему я говорю «индийской», а не «непальской»? Да потому что не мог отличить индийца от непальца – точно так же, как, скажем, для чернокожих людей все белые на одно лицо, и наоборот. К тому же индийских женщин я видел и раньше, а непальских – нет.

Как можнотише и осторожнее обратился к Дипу:

– Ты – принц, а Деви похожа на принцессу.

– Она пока не принцесса. Деви – дочь знатного королевского министра. Но она обязательно станет принцессой. И королевой!

При взгляде на молодую пару становилось ясно, что отношения между ними глубокие и серьёзные, по крайне мере на данный момент. Дип нежно держал Деви за руку и ласково смотрел на неё. Тон и стиль речи принца изменились: раньше он говорил громко, отрывисто, агрессивно; весь облик его источал браваду. Теперь беседовал тихо и дружелюбно, а по отношению к Деви даже нежно. Таким образом, всё обходилось без боевых кличей гурков, кукри-ножей и экстремальных предложений. Но это только на первый взгляд.

После обеда принц достал коробочку – как нам показалось, с каким-то табаком и тонкими бумажками, и начал свертывать сигарету. Деви не осталась безучастной, она мягко останавливалась Дипа, приговаривая: «Не надо. Пожалуйста, не надо!»

Я обратился незаметно к Петеру:

– Чего это она? Ну, захотел человек покурить.

– Это марихуанна. Она не хочет, чтобы принц курил марихуанну...

Дип все же закурил. Не знаю, что больше повлияло, курение травки или изрядное количество «Джэк Дэниэлс», но принц начал всё больше заводиться. Деви с сожалением наблюдала за его поведением, но не проявляла желания уйти. У нас же, напротив, возникла мысль побыстрее смотреться, и мы стали как можно спокойнее и вежливее раскланиваться. Но поскольку не знали, как доехать из ресторана до гостиницы, решили подождать обещанного Дипом автомобиля.

Пока дожидались, случилось ещё кое-что. Как это частенько происходит у многих людей в пьяном состоянии, Дип начал обзванивать и приглашать на обед, перераставший в вечеринку, друзей – у него уже тогда имелся телефон сотовой связи. Один дружок прибыл до нашего ухода, это был голландец по имени Петрус. Мы пошутили, что, мол, теперь не ошибёмся: наш гид Петер, а голландец Петрус, так что как ни произнеси, а кто-нибудь да откликнется.

Дип и Петрус отошли в сторону и о чём-то шептались. Я видел, что Петрус вынул из кармана что-то похожее на таблетки, они положили их в рот и запили водой. От дальнейших наблюдений, которые могли закончиться, как я чувствовал, чем угодно, а для нас, чужестранцев, точно не полезным, избавил подоспевший автомобиль.

Но и прощаясь, принц не унимался:

– Ты запомнил, что непальские гурки – лучшие воины?! Они умеют всё. Ты умеешь стоять на руках?

– Конечно, нет. А ты, да-да, я знаю, великолепно умеешь это делать. Не надо показывать, пожалуйста, я и так верю.

– Да, я могу! И покажу, чтобы вы не сомневались!

Дип, несмотря на явные признаки опьянения, легко встал на руки. Я бы, пожалуй, тоже смог, если бы удалось облокотиться ногами о стену рядом. Но, подумав, благоразумно воздержался: наши с принцем алкогольные кондиции, а вместе с ними и «стремления к подвигам» не совпадали. Не хватало только чего-нибудь сломать! Я наблюдал, выражая лицом восторг и хлопал в ладоши. Но принц только распался:

– А ты умеешь стоять на одной руке? – Дип в самом деле оторвал от земли правую руку и не упал.

– А ты можешь удержаться вот так? – Принц перевел опирающуюся об пол ладонь в состояние кулака. Постояв несколько секунд на кулаке, Дип ловко встал на ноги.

– Командир непобедимой армии гурков должен уметь всё, что умеют они. И даже больше.

Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!..

Уже покинув Великобританию и вернувшись в СССР, мы узнали, что кронпринц Дип, в соответствии с непальскими традициями, официально объявлен божественным и священным. Вскоре отец, король Бир, забрал Дипа в Непал и сделал его главнокомандующим вооружёнными силами страны.